

18+ Игнат Черкасов

*Трудно быть
человеком. Цикл
«Инферно».
Книга шестая*

Игнат Черкасов
Трудно быть человеком. Цикл
«Инферно». Книга шестая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66987456
ISBN 9785005584410*

Аннотация

Когда его пристегнули, зачитали длинный приговор, а после дали право на последнее слово, Кошмар хотел выкрикнуть, свой боевой клич, но только не теперь, теперь это все уже было неважно и потеряло для него всякий смысл, всё, кроме неё:– Рейчел...

Содержание

Глава 75. Свидание	5
Глава 76. Боль утраты	38
Глава 77. Кошмар	72
Глава 78. Ермак	124
Конец ознакомительного фрагмента.	157

**Трудно быть человеком.
Цикл «Инферно».
Книга шестая**

Игнат Черкасов

© Игнат Черкасов, 2021

ISBN 978-5-0055-8441-0 (т. 6)

ISBN 978-5-0055-1438-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 75. Свидание

Спустя три дня ада, которые Комиссар счел за месть Кейт Ханту и закрыл глаза на этот произвол в своем участке, Сережу выпустили на свободу, заранее предупредив о последствиях, которые его будут ждать, если откроет рот шире положенного. Сережа внимательно выслушал, а после послал Кейт куда подальше и ушел, снова ковыляя, уже от побоев. У входа в полицейский участок его встретила Вероника, которая по его взгляду все поняла и просто увезла его домой.

Первый день она его вообще не трогала и позволила отлежаться. Но когда он начал к ней приставать, она сначала дико удивилась в виду его состояния, мягко говоря, примятого, а после перебила его настрой вопросами:

– Что там произошло и какое отношение ты имеешь к погрому этих отморожков?

Сережа настрой не сбавил и обхватил её:

– А что говорят?

– Что кто-то двух копов из убойного отдела убил, а остальных отправил в реанимацию. Это ведь не ты сделал? Ты ведь еще не федерал...

– Еще? Вероника, я и не собираюсь возвращаться в ФБР. Журналистом мне куда удобнее быть. Все обо всех знаешь, притом не официальный бред, а именно подноготную.

– Я думала, это так, размяться чтобы.

– Я и разминаюсь.

Эта фраза неожиданно испугала девушку, но она попыталась не подавать виду, чтобы не смутить его, а самой свыкнуться с новой реальностью, в которой её бэтмен ни разу не пацифист, а скорее палач. Она пыталась убедить себя в том, что по сути сама к этому его и подводила, опираясь на его предыдущий опыт, но ее сильно смущало, что тогда он был четко на стороне стражей правопорядка, теперь же линия правосудия для него была полностью размыта, что ее и пугало. Хоть он и до этого, судя по всем материалам, не особо действовал в рамках закона, но хотя бы с позиции федерала, теперь же, он был предоставлен самому себе и действовал на свое личное усмотрение:

– Ты ведь не китаец?

Сережа усмехнулся и озадачился:

– В каком это смысле?

– У китайцев нет понятий добра и зла, они признают лишь силу и слабость.

Её намек Сережа понял, а заодно и вспомнил то, что Майк сказал ему открытым текстом и ответил так же завуалированно:

– Нет, я лев. У них есть такая особенность как невыносимая аллергия на далбо*бов.

– Впервые слышу о таком. Ты вообще животное имел ввиду, или знак зодиака? Откуда ты это вообще взял?

Сережа задумался:

– Точно не помню, наверное, в гороскопе и прочитал.

Вероника посмеялась, расслабив нервы, в чем, прям уже нуждалась:

– Ты в курсе, что они для женщин, так сказать, чтобы скоротать время. Там же все не взаправду.

– Ну, я-то, тебе точно врать не буду. Что тебя гложет, Вероника?

Девушка опустила голову на его плечо:

– Сначала ты пропал на неделю в спортзале, а после на всю ночь. Когда я наконец тебя нашла в полицейском участке, адвокат сказал, что ничем помочь не может и что жизнь дороже денег...

Сережа посмеялся:

– Прям так и сказал? И ты поверила?

Она удивленно на него посмотрела:

– Сам дурак. Притом не только ему пришлось поверить, но и этой стерве, нашему, снова обожаемому прокурору. Это она сообщила, где ты, а еще добавила про три дня в качестве компенсации за репутационный ущерб. Так что пришлось спустить на тормоза раздел касательно ее роли в городе.

– Странно, а я ее и не видел.

– И не надо, Итан. Кто-кто, а она тебе точно добра не желает. Уж не знаю, что там с копами случилось, да теперь и знать не хочу, но что касается тебя, думаю именно она, тебя прикрыла на три дня.

Сережа считал иначе, глядя на ситуацию более объектив-

но, но его интересовало все, что связано было с этой женщиной и он поинтересовался:

– Но зачем ей это?

– Почти уверена, что из-за моего блога. Я ей там репутацию знатно подмочила.

– А было за что?

– Да не особо, она стерва скользкая, так что в основном публиковала сплетни и слухи.

– И в чем суть их?

– В том, что она всех ломает через колено и держит город в ежовых рукавицах. Я не против, но лишнее сопротивление ей не повредит, пусть не расслабляется.

– Знай наших.

Вероника посмеялась:

– Вот именно. Мне она даже нравится, но так как она против тебя, случись что, я этой сучке спуска не дам.

Сережа не хотел выбирать между ними и предостерег Веронику:

– Не лезь в это, как ты и говорила, это работа для журналистов. Если что, я сам разберусь.

– Вот это и пугает.

– Вероника, я серьезно.

Девушка не стала уточнять то, что тоже не шутит и вполне серьезно опасается, зная его методы. Одно дело откровенные бандиты и совсем другое жесткий руководитель, кем всегда все недовольны, так как результаты его деятельности

распространяются на всех, от того и не ощущаются единицами. Чтобы отвлечь его от темы, Вероника уже сама увлекла его в спальню, после чего, парни из группы наблюдения вышли на долгий перекур под многозначительный комментарий:

– Ну их нахер.

Спустя пару недель внешние обстоятельства внесли свои корректировки в планы Рейчел, как и её двух личных телохранителей под дулами пистолетов в ее кабинет. Пацифист велел Рейчел не подниматься, а сам развернулся на месте перед ее столом, расстегнув пуговицу на пиджаке, прикрывая ее собой и следя за предателями из охраны прокурора. Рейчел послушала Пацифиста и, не вставая, и тем более, не выходя из-за стола, с ноткой возмущения спросила у начальника своей охраны:

– Что это значит?

Тот, не выдержав взгляда молодого и дерзкого с виду телохранителя и не желая рисковать, ответил с места:

– С вами тут важные люди хотят поговорить.

– Понятно. Считай, что ты уволен.

– Это уже не вам решать.

– Поспорим? На твою жизнь.

У начальника пересохло в горле, а Рейчел продолжила:

– Хотя, чего утруждаться ради столь незначительной ставки. Свободен, и чтобы я тебя больше здесь не видела.

– А она все командует и командует. Знаешь Рейчел, ты

мне напоминаешь курицу, которой уже оторвали башку, но она все равно продолжает ерепениться.

Сбитого с толку начальника охраны сменил наглый мужчина лет сорока, которого Рейчел впервые видела:

– А ты еще кто?

Мужчине перегородил путь Пацифист, который его удивил своим поведением, а именно своей непреклонностью в очевидной ситуации проигравшего. Он невзначай ответил Рейчел, а после переключился на Пацифиста, гадая, что с ним не так:

– Твой новый хозяин, который пришел забрать всё и уберечь уже, наконец, своего пса... Что парень, не знаешь, когда нужно отступить? У тебя, что, проблема с оценкой ситуации?

Пацифист – Это у тебя проблема и, если не хочешь, чтобы она стала последней, вали отсюда.

Мужчина оглянулся и посмеялся:

– Давай на пальцах объясню. Вот твои двое, обезоруженные и под присмотром шестерых ребят из охраны, то есть по три на каждого, чтобы ты точно понял, плюс я, целый ветеран войны в Ираке, Афганиста...

Не церемонясь, Пацифист с головы сломал хваленому ветерану нос и приставил дуло пистолета к глотке, попутно придушившая им. Аванс и Скорострел команду поняли правильно и тут же сработали, перехватив ПП у ближайшего охранника и встав на одну линию с остальными, что моментально обнулило их численное преимущество, особенно ес-

ли спустить курок и открыть перекрестный огонь:

– Оружие на пол, только медленно, а то я сегодня кофе перепил, нервничаю что-то.

Аванс всегда был болтлив, но в ситуациях против дуболомов, Пацифист позволял ему забивать их мозг всякой чепухой, чтобы не успели одуматься. Положив оружие на пол, Аванс не успокоился:

– Эй, спешил, второй ствол тоже, медленно и всего двумя пальцами за рукоять. Давай Эндрю, в следующий раз будешь знать, что вторым стволом лучше не светить, крыса ты эдакая.

Обезоружив уже охрану, телохранители вывели их в коридор и прислонили к дверям, заняв оборону с двух сторон за укрытиями. Пацифист, обезоружил ветерана и сорвал с его ремня рацию, после чего приставил ее к его лицу:

– Слушай внимательно герой, сейчас своей группе даешь отбой, а после поговорим по душам.

– Ты соверша...

На этот раз Пацифист ему уже вправил нос, но не ударом головы, а его же рацией, свалив его на пол. Ветеран поднял руки:

– Ладно-ладно, я все понял.

Пацифист тоже понял, что имеет дело со скользким типом и перед тем как поднести рацию к его лицу, сначала прижал стволom его хозяйство и дал пару секунд подумать над его перспективами, даже в случае успешного штурма каби-

нета Рейчел. Как только ветеран побледнел, Пацифист поднес к его лицу рацию и вышел в эфир:

– Отбой, я сам разберусь.

Пацифист откинул рацию и поднял его на ноги, поставив перед столом улыбающейся Рейчел:

– Ну что, герой, поговорим.

– Тебе конец, сука. Ты у меня жрать землю будешь...

– Ты прав, мне конец, а еще ты говорил, что пришёл отнять всё, а значит, мне теперь нечего терять. Пацифист, продемонстрируй нашему герою поведение людей, которым нечего терять.

Еще до того, как до ветерана дошел смысл слов Рейчел, еще раньше до него дошла боль от перелома в колене. Но Пацифист не позволил ему упасть и, схватив за шкуру, с рывка насадил ртом на край стола, чтобы сильно не орал. Скрипя зубами по древесине, ветеран смог лишь истошно выть, трясаясь от боли и ужаса.

Рейчел дала ему время прийти немного в себя, а после спросила:

– Ну так ты кто, петушок?

– Я... Я, агент Смит.

Рейчел от души посмеялась:

– Еще один, вас там что, как кроликов разводят что ли, что ни агент, то сразу Смит... Ну и из какой животноводческой фермы ты к нам приперся?

– Я из ЦРУ, мать твою!

Так как Пацифист был хорошо воспитан, он не стал терпеть хамство уличной шпаны и ударом с колена в бедро, наказал наглеца, да так, что тот снова вцепился зубами в стол и стал с ним почти одного цвета, изрядно покраснев. Пацифист пошутил про себя – «От стыда, наверное».

Рейчел – Про то, какой ты главный, своей маме рассказывать будешь, а мне нужен тот, кто заварил эту кашу и прислал, тебя придурка, ко мне?

– У своего папаши спроси, он лучше знает.

Рейчел махнула рукой, и Пацифист вырубил ветерана, а после выволок его из кабинета, оставив ее одну. Рейчел была явно огорчена услышанным, но не удивлена. Зная отношение своей семьи к ней и повадки их господ с «Сити», которые все предпочитали делать чужими руками и наверняка, Рейчел стало ясно, что время мирных переговоров кончилось. Хоть она и пыталась всячески затормозить этот процесс, который в итоге должен был привести их всех к прямому столкновению, но ей не удалось обуздать жадность ее брата. Инферно действительно отчистил город от наркоторговли, силком загнав всех в такие рамки, что одни боялись продавать под страхом смерти, а другие боялись допустить продажу, по тем же соображениям. Без отмашки сверху, так сказать, ни те, ни другие, действовать не смели. На пути этой отмашки и стала Рейчел, у нее, как всегда были свои планы, и в эти планы не входило массовое убийство населения с целью заработка ликвидных денег. Её не интересовал фи-

нансовый вопрос, только вопрос власти и защита ее близких, в число которых ее родители и брат, более не входили. Тем не менее, она не смогла поставить точку в этом вопросе и ограничилась лишь предупреждением, все-таки это были родители Аннабель.

Получив четкие указания, Пацифист отправил Аванса и Скорострела донести послание от Рейчел, которое выглядело, как очередной расстрел, по закону военного времени. Выгрузив ветерана, бойцы отщелкнули предохранители и в упор расстреляли поломанного агента ЦРУ прямо на пороге фамильного дома Вудс. Это произвело неизгладимое впечатление на главу семейства, который так и не понял, куда делась охрана, которая просто разбежалась при виде двух хорошо экипированных бойцов спецназа. Так же подверглась изменению и риторика вопроса по поводу наркоторговли, которую Джаред переквалифицировал в легальную, пустив, так сказать, клич в массы. Легализация, даже легких наркотиков, сполна окупала и затраты, и риски, связанные с нелегальной, что ее выгодно выделяло. Рейчел прекрасно понимала, что с легких наркотиков, путь только один и он вел, рано или поздно, к тяжелым. А там, где спрос, всегда появляется предложение. Но она не смогла додавить гадину и дала слабинку. Ей пустили кровь её же родные люди, кровь в море, теперь уже, переполненном хищниками.

В тот вечер, Пацифист впервые смог разглядеть в железной леди, хрупкую девушку, которую больно ранили в самое

сердце. Несмотря на свой, достаточно еще юный возраст, она не лила слезы и не жаловалась на жизнь, а тихо сидела в полутемноте и смотрела в никуда, изредка делая глоток крепкого напитка. Он выждал паузу, но она никак не отреагировала на его присутствие и тогда он все же ее побеспокоил:

– Мэм, вы в порядке?

– Что у тебя?

– Инферно.

Рейчел тяжело вздохнула, а что сказать не знала. Наконец собрав мысли в кучу, она опомнилась и немного собралась, облокотившись, локтями на стол:

– Что на этот раз он вытворил?

– Сорвал эвакуацию ученного, обезвредил людей Моники, а сам скрылся с ученым.

Рейчел вздохнула и произнесла мысли вслух:

– Что ж, история склонна повторяться, так или иначе...

Или это так жизнь проноситься перед моими глазами...

Пацифист не знал о провальной операции со спецом, которого Инферно так же увел у Рейчел из-под носа и забрал себе:

– Мэм?

– Где они теперь?

– Я не знаю, мои его упустили.

Рейчел уже безразлично спросила:

– Снова расслабились?

– Да нет, тут, похоже, все серьезнее. Похоже, они его про-

моргали капитально. У него окно почти в две недели. Первые дни он с утра выходил в лес без телефона, да вообще без всего, кроме спортивного костюма. Парни из наблюдения решили, что он на зарядку, да и из записей переговоров это было ясно. Но когда он в лесу по полдня стал пропадать, это уже вызвало подозрения...

– Все выходит из-под контроля.

– Мэм, ему кто-то помогает со стороны, это точно...

– Это уже не важно.

– А как же вербовка? Он бы вам пригодился, особенно сейчас и даже такой.

Рейчел отвернулась в сторону:

– Никак... Мне нечего ему предложить... Да и зачем стараться, если я все равно не смогу его оградить от плешивого старикашки... Я понятия не имею, что он ему мог предложить такого, после чего Инферно предал меня и перешёл под его контроль...

– Не знаю, мэм. Что-то он не похож на предателя.

– А я не знаю, как мне дальше быть... Вернее знаю, но сделать этого не могу... Рука не поднимается, зато у них она точно поднимется и тогда конец всему.

– Я свяжусь с Ермаком.

– А толку-то? Что бы, мы не сделали, нас ждет война, к которой мы не готовы... Я просчиталась, что-то раньше сделала, что-то позже, а кого-то вообще упустила... Думаю, история не прощает ошибок, особенно тем, кто вздумал с ней

играть и подстраивать ее под свои интересы.

– Но как-то же вашим элитам удавалось столько лет вертеть всеми нами?

– Ну, у них вон, сколько жизней, а у меня на этом фронте, всего одна, моя и она уже под прицелом... Я сама связалась с Ермаком... Он уже ждет вас... Вам незачем умирать на чужой войне и уж точно в чужой для вас стране, вы же, как-никак, патриоты...

Пацифист серьезно задумался о себе и о его бойцах, которые точно бы не бросили своего командира и в любом случае готовы разделить с ним его выбор, не посмея предать воинское братство:

– При всем моем уважении, но мы остаемся.

– А вы и вправду не умеете отступать, да ведь?

– «Умри, но сделай» – вот наш девиз. А тут еще даже стрелять не начали, так что...

Рейчел налила ему и подвинула второй стакан к нему:

– Всё не было подходящего случая, но думаю сейчас, как раз он представился... Пришли первые анализы, после вашей операции и они не утешительны... Ни я, ни мои врачи не знают кто, а главное, как именно, обтянул кости Инферно этим материалом. Снимки его костей раскрыли его секрет, но мы так и не знаем, как ему это удалось.

– Я что-то не понял, эффект ведь достигнут, так в чем проблема?

– Не совсем... По результату операции, вы одинаковы,

разница лишь в том, что ему удалось избежать побочных эффектов, а вам нет...

Пацифист облокотился об стол:

– И сколько?

– Не больше года. Мне очень жаль.

Пацифист выдержал паузу, а после покивал:

– Ну что ж, метод проб и ошибок... Да уж...

Еще молодой парень, ровесник Инферно, не знал, что сказать, ни себе, ни тем более своим бойцам. Хоть Рейчел и была истощена своими распрями, тем не менее, она попыталась переубедить человека, который всегда был рядом и хоть по долгу службы, но не давал её в обиду никому и никогда:

– Я рассказала Ермаку, он, как и я, считает, что для вас война уже окончена, но в отличии от меня, считает, что не в праве приказывать, как вам провести оставшийся вам срок. А я приказываю, вернись домой и, хотя бы сколько-то, но поживи для себя, в свое удовольствие.

Пацифист не посмотрел на нее, и продолжил смотреть в никуда:

– Домой? Я, как и мои бойцы, сироты. У нас нет дома, у нас есть только отечество, которому грозит полное истребление. И логово этой мрази здесь, в этой стране. Я никогда не вернусь на родину и уж точно не смогу пожить в свое удовольствие, среди людей, которые обречены на смерть, мразью, что гнездится здесь. Для меня война не кончена, как и для моих бойцов. Мы сдохнем, но не допустим краха на-

шей родины.

– Мне очень жаль, Пацифист, но нам не победить. Этот мир уже у них в руках.

Пацифист улыбнулся:

– Круговая оборона, это тактика обреченных, а мы еще поборемся. Как говорил Товарищ Сталин – «Бей врага на его территории». И пока не дошло до круговой, я буду бить, бить жестко и до их смерти, либо своей.

Пить Пацифист не стал и просто вышел. Рейчел не разделяла его убеждений, она сражалась не за родину, нечто абстрактное для нее, а за конкретных людей, за своих любимых:

– Как раз любви-то мне и не хватает...

На ум ей пришел всего один мужчина, который когда-то ворвался в её жизнь и изменил её навсегда:

– Инферно... А знаешь, давай поиграем напоследок... Чего печаль топить в стакане, во всяком случае, одной.

Рейчел накинула плащ и вышла в коридор, пытаясь проскочить мимо Пацифиста:

– И далеко вы собрались?

Рейчел разочаровалась в своей тщетной попытке ускользнуть незамеченной:

– Не бойся, сегодня меня точно не убьют.

– Поживем, увидим. Так куда вас довести?

– Пацифист, ты конечно не прошибаемый, но хоть о своих бойцах подумай.

– Уже подумал и отпустил в отгул.

Рейчел переменяла тон:

– Ты им сказал?

– Нет.

– Но они ведь имеют право знать.

– Это у вас тут все крутится вокруг прав человека, а у нас всё иначе.

– И как же?

– У нас есть вера в Бога, вера в то, что ему виднее.

– Как интересно. То есть ваш Бог лишает вас свободы, и вы все равно в него верите?

– Мэм, оглянитесь и посмотрите вокруг, до какой именно свободы вас довела борьба за хваленые права человека. Сколько этих прав вы сами нарушили во благо тех, чьи права еще не успели нарушить. А теперь посмотрите на себя, и загляните чуть глубже своего эго и дайте себе честную оценку, зная свой срок, дату своей смерти, разве вы решились бы на те вещи, на которые шли, чувствуя привкус смерти за спиной?

Рейчел задумалась над его словами, благо ей было что вспомнить. Она тут же вспомнила старика с винтовкой, которого попросила Инферно пощадить. И, конечно же, она вспомнила то чувство, что ощутила к нему на той горе. То единственное, самое теплое и светлое, что у нее было в жизни, а именно в самом ее конце, она пожелала разделить с ним:

– Ностальгия что ли?

Видя непонимание Пацифиста, она уточнила:

– Я поняла, о чем ты. Предчувствие, а тем более знание срока своей смерти действительно сковывает в выборе, а значит и в свободе. Потому что в любой другой ситуации я даже и подумать не могла, что захочу провести, возможно, последний свой вечер на свидании и именно с Инферно.

– А я, о чем. Подождите, что? С кем?

– Ты правильно услышал. Так что нам в ресторан.

По дороге в ресторан, Рейчел позвонила Веронике, как и ожидалось, по-хорошему убедить её не получилось и пришлось прибегнуть к уловкам, одна из которых, всё же сработала. Подъехав к ресторану, Рейчел улыбнулась и вежливо поинтересовалась:

– А ты куда собрался?

Пацифист, недоумевая, ответил:

– Туда.

– Не в этот раз.

– Я вас с этим психом наедине не оставлю, да и про остальных недоброжелателей не стоит забывать.

– Про недоброжелателей не беспокойся, чтобы их отгнать, репутации Инферно всё еще хватит. Что касается самого Инферно, ты сам сказал, что не чувствуешь от него угрозы.

– Да, но...

– Вот и приглядывай, но из здания напротив и не взду-

май подглядывать. Хоть в этот вечер я хочу расслабиться и не ощущать на себе чью-то оптику.

Борьба взглядов кончилась тем, что Рейчел добилась своего и пошла в ресторан одна, под прикрытием Пацифиста с крыши здания напротив – «Ну что за женщина. Ей майором быть, не меньше, а она тут прозябает».

Ожидая Инферно за столиком, Рейчел ушла в себя и погрузилась в воспоминания, связанные не только с ним, но и с тем малым, что она бы могла назвать хорошим в своей жизни – «Интересно, благое намерение, незавершенное делом в силу летальных обстоятельств, засчитывается в копилку добрых дел?...». Решить этот вопрос, как и остальные, ей не дал её брат, который к ней подсел:

– Привет, Рейчел, что празднуешь? Свой уход в отставку?

– Шел бы ты...

– А мне кажется, как и всем остальным, что гораздо уместнее будет, если бы ушла ты. Я всех устраиваю, а ты, впрочем, как всегда, устраиваешь только саму себя.

– Я прокурор, а не политик и в мои обязанности не входит стелиться под каждого урода, чтобы угодить всем, доказав свою лояльность.

Джаред посмеялся:

– Говоришь, прям как моя сестрѐнка, кстати, как она, еще не сдохла?

У Рейчел непроизвольно сжались кулаки, что тут же заметил Джаред:

– Я тебя умоляю. Рейчел, не в твоём положении истерично махать кулаками. Ты одна, среди стаи акул и именно мы пустили тебе кровь, так что сделай последнее одолжение своей семье, хотя бы уйди достойно. Хорошего вечера...

– Он станет гораздо лучше, если ты уйдешь.

Ощувив руку на своем плече, Джаред оглянулся:

– О, мистер Хант, рад вас видеть. Чем занимаетесь, так сказать на пенсии?

Сережа решил пошутить:

– Да знаешь, то тем, то этим, например, сейчас жду, когда ты свалишь с моего места.

Джаред смутился:

– Да, неловко получилось. Ну ладно, не буду вам мешать.

Джаред ушел к очередной партии толстосумов, а Сережа, наконец, занял свое место, напротив Рейчел:

– А вы, мистер Хант, как всегда вовремя.

Оказавшись напротив той, мысли о которой не покидали его голову никогда, Сереже снова стало неловко, и он потянулся за стаканом воды, чтобы смочить пересохшее горло:

– Прошу прощения, если опоздал...

Рейчел выставила руку, тем самым перебив его:

– Давайте сразу к сути.

Сережа кивнул и достал блокнотик из кармана, что вызвало у Рейчел улыбку:

– Да вы, я погляжу, парень из прошлого, буквально во всем.

Её намек на раритетный способ записи интервью Сережа понял и обосновал свой подход старого образца:

– Не к столу будет сказано, но я не хочу, чтобы в случае, если что-то всплывет из нашей беседы на стороне, вызвало у вас некие сомнения на мой счет. Запись на диктофон, это довольно опасно, а запись ключевых фраз, переформатированные в мои личные ассоциации, которые могу разобрать только я, гораздо надежнее.

– Ого, к чему такая конспирация? Это же всего лишь интервью.

– Меня мама с детства приучила с мелочей начинать делать всё правильно. И это не просто интервью, а мой первый эксклюзив.

– Ой, как интересно. А что ещё, расскажите про свою маму?

Сережа откровенно не понял вопрос, но продолжил играть в вежливость и учтивость, как его учила Кэти – «Щенячьи глазки и хватка бульдога»:

– Мэм...

– Называй меня Рейчел.

Сережа с нескрываемым удовольствием принял её предложение и улыбнулся на радостях:

– Хорошо, Рейчел...

Но тут же забыл, что хотел сказать. Глядя на его замешательство, Рейчел в душе посмеялась, заметив повадки подростка, в мужчине напротив себя и напомнила ему, в виде

уловки:

– Ты хотел рассказать про свою маму.

– Да, то есть, нет, Рейчел, мы встретились поговорить о вас и ваших выдающихся успехах на должности прокурора.

Рейчел искренне посмеялась:

– Выдающихся? Кто тебе речь писал, парень?

Сережа удивился и засмутился, что его уже порядком достало:

– Я и писал. А что не так?

Рейчел успокоилась:

– Давно так не смеялась. Ух, умеешь даму рассмешить... Давай так, в этот вечер побудем сами собой, без лишних церемоний, как люди из народа.

– «Как люди из народа» – хорошая фраза для заголовка.

Заметив взгляд Рейчел, открытый и непринужденный, Сережа отложил карандаш с блокнотом в сторону, опасаясь потерять зрительный контакт с ней:

– Значит, просто посидим, пообщаемся?

Рейчел прикрыла глаза в знак согласия и кивнула головой:

– Схватываешь на лету.

Сделав заказ, они приступили, так сказать, к дегустации бутылочки вина, чтобы нагнать аппетит и поговорить по душам:

– Признаться честно, Рейчел, я не особо следил за твоей работой.

Рейчел усмехнулась:

– По твоей заготовленной речи, это хорошо заметно.

Сергея перестал уже смущаться и тоже оценил комизм своей вступительной речи:

– Да, смешно получилось. Но, вот я о чем подумал, раз тебя насмешила такая нелепость, в каком же ты напряжении постоянно находишься?

– А вот это уже хороший вопрос, но боюсь, ответ на него не для твоих ушей. Не обижайся.

– Да меня тут уже одна волонтерка научила, что обижаться себе дороже. Ну а если завуалировано, не под запись, а, чтобы просто выговориться.

Рейчел с интересом в глазах улыбнулась:

– Да, Кэти и впрямь поработала над тобой.

– Вы про ту Кэти, что на три дня упекли за решётку?

– А вот и её фирменный удар под дых, узнаю кисть мастера... Ты ведь в курсе, что такое показательные мероприятия?

– Это когда одного караешь, чтобы всем остальным неповадно было?

– Не столь кровожадно, но суть ты правильно понял.

– А со мной было так же?

Рейчел вздохнула, точно не зная, что ему можно сказать, а чего лучше не стоит:

– С тобой было куда сложнее. Скажем так, ты свою работу выполнил и хорошо выполнил, результат твоей короткой деятельности и вправду впечатляет, именно поэтому ты обязан был уйти. Как бы это печально не было, но ты бы стал пер-

вой жертвой системы, с которой сдул пыль и запустил заново. Твои методы не укладывались в рамки системы правопорядка и рано или поздно, но ты бы пошел против нее... против меня. Я не хотела, чтобы ты стал жертвой обстоятельств, и вывела тебя из игры, пока не стало слишком поздно. Както так.

– Вау, по всему видно стратегическое виденье. Не думал, что кто-то из власти обременен этой ношей. Во всяком случае, судя по их решениям, со стороны кажется, что они реагируют на обстоятельства, а не создают их. Временами кажется, что наш корабль остался без капитана и пока его замы дерутся за его место между собой, никто точно не знает, куда именно судно держит курс.

– Главное, чтобы это судно не называлось «Титаник».

– Это похоже на тост.

Забыв про приличия, они залили в себя всё содержимое бокала, приглушая, каждый свою печаль:

– Неужели всё так плохо, что нам остается довольствоваться малым, тем, что наше судно не называется «Титаником»?

– Уж поверь, даже это уже достижение. Оглянись вокруг и подумай, а почему должно быть иначе. Мы сейчас на перепутье, мало кто об этом знает, но определенно все и каждый, это чувствует. Мир меняется, кардинально и стремительно. И главная проблема, этого нового мира, не в том, что судно плывет в неизвестном направлении, а в том, что

на всех места уже не хватит. Судно и так уже переполнено и когда это станет очевидно уже даже для масс, вот тогда-то и мир изменится, притом одномоментно и скорее всего, на не вполне завершённой стадии, на которую просто уже времени не хватит. Чтобы хоть кто-то уцелел, придется скинуть балласт за борт.

К своему удивлению, но Сережа её понял и разлил ещё вина по бокалам, после чего они уже молча его пригубили. Чтобы отвлечь её от тяжести грядущего, он попытался сделать комплимент женщине, к которой был явно неравнодушен:

– Должен признать, не смотря на все твои тревоги, ты отлично выглядишь.

Рейчел растрогалась, может вино сработало, а может просто, ничего приятнее от Инферно она в жизни не слышала:

– Потанцуем?

К счастью обоих, романтический мотив музыки располагал на то, чтобы обнять друг друга и раствориться в медленном танце. Для Сережи в новинку были такого рода нежности и уж тем более трепетное обращение с дамой, но Рейчел располагала к себе именно в этом ключе. Он не привык считаться ни с кем, кроме себя, но для Рейчел, он чувствовал, что может уступить всё и во всем. Его это напрягало, но её объятия, за них он готов был простить ей всё и даже больше. Для Рейчел же, их медленный танец стал продолжением тяжелых и слишком долгих отношений. Её сердце всё ещё

принадлежало ему, в этом она уже не сомневалась, но как быть с человеком, который её предал, она не представляла. Вновь оказавшись в его объятиях, она так же готова была ему простить всё, ну или почти всё, но пойти на риск для своих любимых, она не могла – «Ох, Инферно... мы столько перенесли вместе, тем не менее, далеки как никогда... ты ничего не помнишь, или почти ничего, а я бы и рада была всё забыть, ну или почти всё... но не могу, не имею право».

После танца они вернулись к столу, и вечер провели под разговорами о том и о сем. Рейчел, наконец, себя почувствовала человеком из толпы, который может забыться хотя бы на вечер. Сережа забыл напрочь обо всех советах Кэти, о блокноте, и ловил каждое слово девушки, в которую, похоже, был влюблен и, похоже, давно. Он так и не осмелился её спросить, встречались ли они прежде. Внутреннее чувство его предостерегало от этого, а тренировки с Майком, его убедили доверять себе, даже и в амурных вопросах.

Для обоих время пролетело незаметно, лишний раз, подчеркнув приятно проведенное время, которое Рейчел захотела продлить, хоть на немного. Отстранив неприметным жестом Пацифиста, Рейчел обратилась к Инферно:

– Будь добр, подвези даму до дома.

– Предупреждаю сразу, если что, по документам я инвалид.

Рейчел поняла его намек на возможную проблему с патрульными и ответила в его манере:

– Если что, по документам я прокурор, так что не дрейфь.

Сереза улыбнулся:

– А как же здравый смысл и предосторожность?

– Я готова рискнуть.

Эта фраза, сказанная ей лично, дополнила его воспоминание и усилила эмоциональной составляющей – «Я знал её прежде, точно знал».

– Ты там уснул что ли? Неприлично заставлять даму ждать.

Сереза опомнился и, обойдя машину, открыл дверь перед хамоватой леди. Не знал, откуда и почему, но её изящество, разбавленное иногда простотой, его забавляли, подкупая своей непосредственностью. Она была и родной и чуждой ему одновременно. Их словно разделял невидимый барьер из её проблем, которые она точно не стала бы обсуждать с ним. А возможно и недосказанностей, вероятность которых, Сереза уже не исключал. Вбив её адрес в навигатор, с которым вынужден был познакомиться в силу своего забывтья, они молча доехали до её загородного дома. Растянуть удовольствие не получилось, за пределами того столика они снова вернулись в этот жестокий мир, где каждый накинул свою маску, автоматически отдалившись от другого. По приезде Сереза осмотрелся и улыбнулся:

– Не хочу пугать тебя, но у меня такое чувство, что я уже был здесь.

Рейчел не испугалась, а лишь мысленно извинилась перед

Джи и пригласила Инферно к себе:

– Зайдешь?

Сережа и рад был зайти, но кратковременное помутнение после танца быстро рассеялось в силу его новой привычки подавлять в себе эмоции, и он отказался, притом в однозначной форме, не оставив места даже для легкого флирта с её стороны:

– Прости Рейчел, это был прекрасный и даже странный вечер, но у меня обязательства перед другой, так что, максимум до ворот, а до порога, увы, но нет.

Рейчел неприятно это было слышать, так как она, где-то глубоко внутри, рассчитывала, что он её поддержит в последней её глупости, как и всегда прежде, но вышло, как вышло:

– Прощайте, мистер Хант, не забывайте наше свидание.

Сережа не стал её поправлять, так, как и сам уже понял, что это было именно свидание, странное, но свидание. Проводив её взглядом до порога её дома, он тут же уехал, уже под пристальным взглядом Пацифиста, который проследил за ними до её дома, возле которого и остался.

Сережа остался верен себе, вернее новому себе и тут же переключился на дело, от которого отвлекся. Приехав в задрипаный отель на окраине города, он обнаружил пропажу ученого и все наконец понял:

– Ах ты... вот сучка!

Рейчел также осталась верна себе и вильнув хвостиком,

хитрая лиса, в очередной раз обвела вокруг своего каблучка Инферно, каким бы он ни был. Как только она его выманит, группа наблюдения отследит его маршрут от ресторана до отеля, где уже люди Моника завершили начатое, лишив Сережу единственного свидетеля. После введения Кэти в суть проблемы, Сережа, неожиданно для себя заинтересовался повсеместными похищениями ученых, которые якобы не от мира сего. Ярчайшим представителем этой категории непризнанных гениев, считался Никола Тесла, который своими открытиями мог легко лишить торговцев топливом их баснословных прибылей, со своей популистской идеей о бесплатной энергии в век капитализма, где прибыль, это всё.

Сережа, а вернее уже Кошмар, который за две недели усиленной подготовки на полигоне Майка и под чутким его руководством, вспомнил и отработал большинство своих навыков, которые ему уже не терпелось пустить в ход:

– Я так это не оставлю. Ещё не знаешь, с кем связалась.

Хоть он и сам чувствовал нелепость своих угроз, перед лицом Рейчел, которая явно повидала больше его, как минимум из того, что он смог вспомнить, тем не менее, он жаждал вызов, который с большим удовольствием принял. Его несдержанность и желание поскорее проявить себя, легко объяснялась его высокими результатами на полигоне, которые поражали даже бывалых вояк из спецов Майка, которые должны были отточить его технику. Была одна хитрость в подготовке Кошмара, о которой знал только Майк. Ханта

не надо было готовить, ему лишь надо было помочь вспомнить. На деле же оказалось все значительно быстрее. Годами отработанные движения и рефлексy, с которых инструктора Майка лишь пыль сдули, с ходу вылезли наружу и придали парню уверенность в себе, в том, что он способен сломать хребет любому.

Вернувшись к дому Рейчел, он прислушался к себе и ноги сами его привели к лазейке, которой до этого пользовался Инферно. Проскочив мимо пустых постов охраны, Кошмар нарвался на неприятность в лице Пацифиста, который помимо лазерных систем охраны, также пользовался банальными ловушками, которые освоил ещё со времен военного училища:

– Какого?

– Неприятно, наверное, да?

Очередная волна воспоминаний оказалась некстати, но и без неё было понятно, что песенка его спета, так как телохранитель уже держал его на мушке, а сам он ещё даже пистолет не успел выхватить, не говоря уже о предохранителе на нем. Припрятанная хлопушка под ковриком для ног подняла по тревоге не только Пацифиста, но и Рейчел, которая вмешалась:

– На этом твоя работа окончена, дальше я сама.

Пацифисту очень захотелось перевести взгляд с Инферно и посмотреть на Рейчел, а именно убедиться, что она головой не тронулась:

– Ты шутишь? Он ведь не поговорить пришел.

Кошмар – Поговорить. А зачем же еще?

Пацифист – Да, конечно, а пистолет для убедительности прихватил.

Кошмар – Пошел ты.

Пацифист – Не дождёшься.

Рейчел подошла к Пацифисту и положила руку на его – на ту, что он вытянул в сторону Инферно, держа его на мушке:

– Уходи, и это не просьба.

Пацифист – Рейчел, он же убьёт тебя. Он же...

Рейчел – Пусть лучше он. Я устала, пойми. У меня нет идеи, как у тебя. Только близкие люди, которых я уже эвакуировала, а значит уже можно и выдохнуть. К тому же у нас незаконченное дело, у которого нет срока давности. Прошу, уходи.

По голосу Рейчел и так было понятно, что она выдохлась и бороться, не намерена:

– Твоё право.

Убрав пистолет, Пацифист ушел, а после и уехал, оставив их одних – «Когда человек сдался, его уже не спасти. Прощай Рейчел».

Рейчел не особо обращая внимания на Инферно пошла к себе в кабинет, а Кошмар остался на месте, пока не услышал, как Пацифист уехал. Пройдя к ней в кабинет, он испытал легкую неловкость от новых обстоятельств их новой

встречи в тот же вечер:

– Зря отпустила.

Рейчел встала у окна, ностальгируя по былым временам, опять же связанных с ним:

– Зря пришел, ученного уже нет.

– Хреново, особенно для тебя... Скажи, Рейчел, зачем они тебе?

– А тебе зачем? Хотя если вспомнить твой скелет, твой интерес становится понятен.

– Мой что? Ты снова меня пытаешься нагрузить очередной чушью?

– Ты ведь ничего не помнишь? Ничего и никого?

– Я помню тебя, если ты об этом, но это ничего не меняет. Это лишь картинки, немое кино, так сказать. Этого слишком мало, чтобы пережить заново, заново почувствовать.

– Так значит, я для тебя ничего не значу?

– Значишь, правда, не то, на что намекаешь. Ты мразь, Рейчел, а я мочу мразей.

Он выхватил пистолет, снял его с предохранителя, а когда навел на неё, она уже была повернута к нему лицом с гранатой в одной руке и чекой от неё в другой. Он явно такого не ожидал, как и всего остального до этого, что в дребезги ломало его концепцию о непобедимом Кошмаре. Рейчел начала к нему подходить, а он забыл выстрелить ей в живот, во всех смыслах этого слова, оцепенев от неожиданности, что четко было видно по его лицу. Рейчел же, была го-

това умереть, так как над ней скапливались тучи целого полчища уродов, чьим интересам она воспротивилась:

– Ничего не напоминает?

– Ты про пришибленную бабу с гранатой напротив? Нет, видать, я эту серию пропустил, как и ты, свой сеанс у психотерапевта. Но ещё не поздно записаться на следующий сеанс, ты только чеку обратно вставь.

Чувство одиночества, которое вызвал самодовольный подросток в облики воина, который был самым опасным её противником, когда-то, заставило её искренне пожелать вернуться в тот самый вечер, когда её посольство пылало, когда её сотрудников резали дикари-канибалы, когда у неё не было ни единого шанса спастись, но, когда напротив неё стоял Инферно, ещё враг, но уже готовый умереть, хоть не за неё, но хотя бы с ней. Теперь же, этот самый человек, явно не знал, что делать и как реагировать, и уж точно не был готов умереть ни за неё, ни за кого бы то ни было. Повторить на прощание их фразу – «Вместе до конца», у Рейчел теперь язык не поворачивался:

– Когда-то ты меня пощадил... теперь я тебя пощажу... уходи и больше не смей приходить, раз не готов свою жизнь на кон поставить в попытке отобрать чужую.

Она отвернулась от него, только чтобы не видеть своего Инферно в таком состоянии. Сережа не посмел выстрелить ей в спину и просто ушел, разочаровавшись в себе, искренне не понимая в чем его проблема. Вся его проблема

была в том, что он отстранённо относился ко всему, играя в хладнокровного палача биомусора, под грифом «Мрази». Инферно же всегда воспринимал все лично, погружаясь с головой в схватку, не забывая каждый раз при этом ставить свою жизнь на кон.

Рейчел посмотрела на гранату:

– Нет уж, чтобы убить меня, им всем придется постараться...

Глава 76. Боль утраты

Несмотря на все, жизнь продолжилась, но без кардинальных перемен не обошлось. Вероника проснулась и первым делом спустилась на первый этаж, проверить, не возвращался ли Итан. Его она не нашла, хоть и по всему было видно, что он ночью приходил. А вот документы на дом, переписанные на неё, лежащие на столе, нашла. Так же она нашла номер счета, на балансе которого лежала, равна половине его миллионов. Она допускала мысль, что рано или поздно, он её просто перерастет, но благодарность его оценила, как и очередной удар по её репутации в связи с благами, что он ей оставил:

– Ну, теперь точно шлюхой назовут.

Жизнь продолжилась и для Рейчел. За следующие три дня она как-то даже успокоилась. С отъездом Инферно что-то изменилось в ней и даже наладились дела, но это было лишь затишье перед бурей. Игры на противоречиях сил города сего, дали первые результаты, и она выехала на встречу со своими новыми сторонниками, которые уже лежали на полу, захлебываясь своей же кровью. Это был однозначный послы всем бизнесменам мегаполиса, всем, кроме Рейчел, которая была ещё в пути и для которой приготовили иную встречу.

Начало незапланированных для неё переговоров громко пронеслось по всей улице после подрыва первой и по-

следней машин из её картежа. Позволив ей испугаться, боевики подорвали и остальные заминированные машины, которые были припаркованы вдоль дороги. Бронированный внедорожник с Рейчел откинуло от взрыва, после чего он перевернулся и встал на крышу. Рейчел отстегнула ремень и упала на крышу и тут же впала в ступор от шока, при виде через треснутое окно группу из пяти боевиков, вооруженных автоматами НК416. «Это конец» – услышав свою последнюю мысль, Рейчел просто закрыла глаза, но тут же вскрикнула от оглушительных очередей из АСМ Вал:

– Это албанцы! Похоже диверсионная группа! Осмотрелись!

Положив с ходу пятерых боевиков, бойцы тут осмотрелись по сторонам:

– Херовое место, очень херовое!

Отступить им действительно некуда было, с одной стороны студенческий городок, с другой церковь, а обе остальные точно были заминированы:

– Кто-то явно хочет, напоследок, вас выставить в не лучшем свете...

Залп из гранатомета по машине с верхнего этажа здания напротив грубо прервал Пацифиста и оттолкнул машину, но суть Рейчел поняла:

– Ждем подкрепления! Я не прикроюсь ни студентами, ни монашками...

– И не придется, прикройте!

Активировав экстренный подрыв дверей направленным взрывом изнутри, двери вырвало, а вслед за ними перекатились Аванс со Скорострелом, которые открыли огонь на подавление, особенно Скорострел:

– Боезапас всё!

– Шутишь? Мы только вылезл...

– На пять часов!

Скорострел действительно подколот Аванса, так как модернизированный ПКП Печенег снабжался боеприпасами из спец рюкзаков системы бесперебойного боепитания «Скорпион» на 600 патронов. Пока бойцы подавляли боевиков в здании напротив огнем из заготовленных пулеметов, не позволяя им высунуться, Пацифист подорвал дверь со своей стороны и перекатился к дороге. На бегу вонзив тактический топорик в один из пазов люка, он вырвал его и прикрывшись им побежал обратно, за Рейчел:

– Руку!

Схватив её за руку, он стремительно ретировался, прикрывая её, к входу в канализационный туннель:

– Отходим!!!

Не прекращая огня на подавление из модернизированных и не сменных стволов ПКП, которые уже выдерживали, перегрев свыше 400 выстрелов непрерывной стрельбы, бойцы выбежали из укрытия и копчиками нащупали точку для отступления, не отрываясь от позиций боевиков. Аванс умел уходить красиво и пустить пыль в лицо, но в городских усло-

виях, решил ограничиться только дымом, чтобы не травмировать лишний раз гражданских.

Попав в канализацию, Пацифист тут же снял с себя броник и накинул его на Рейчел:

– А ты?

– Сильному не надо, слабому не поможет.

Аванс – Как-то не обнадеживающе прозвучало.

Пацифист – Поймали тишину. Что по боеприпасам?

Скорострел – Мало.

Аванс – Не густо. Кто ж знал.

Пацифист – В бой не ввязываемся, отстреливаемся, вперед.

Куда-либо выйти оказалось не так уж и просто. Ветвистая система туннелей отнимала слишком много времени, часто приводя в тупик и вынуждая возвращаться, для смены на новое направление:

– Нехорошая тишина.

Пацифист понял намек Аванса:

– Думаешь, уже окружили?

– Почти уверен. Диверсионные группы албанцев обучены не хуже нас.

Скорострел невольно усмехнулся:

– Ага, ты об этом еще Ермаку скажи, совсем ку-ку.

– Я про диверсии. У них только один профиль, гадить, а мы разносторонние личности.

Рейчел пришла в полное недоумение:

– Вы что, сдались уже что ли? Что за разговорчики? Пацифист?

Пацифист – Кто бы говорил.

Аванс – Послушай, Жана Д’Арк, у нас своя тактика, пусть тебя...

В отличии от Рейчел, бойцы узнали противника, а после и убедились в его тактике, рассчитанной на удушение. Прикинувшись шлангами, Аванс как всегда пудрил всем мозги и не столько присутствующим в непосредственной близости, сколько всем остальным, ну и Рейчел заодно злил. Скорострел же прослушивал одно направление, Пацифист противоположное, а Аванс поглядывал на третье. Боевики же притаились, стягиваясь со всех сторон. Это были уже не латиносы и мексиканцы, хоть и с боевым опытом, но без должной подготовки, а дикие, звероподобные по повадкам албанцы, с подготовкой спецназа за плечами. Про них так говорят – Есть уличные банды, есть диаспоры, есть русская мафия, есть итальянская фамилия, есть синдикаты, есть еще много кто, но режут их всех албанцы до последнего дикаря. С ними никто не желает ни сталкиваться, ни тем более связываться, потому что эти звери, чуть, что не так, сразу режут и им плевать, кого и что после с ними самими будет. А после недавних пор, благодаря внешности и мусульманским вероисповеданием, некие структуры начали подготовку диверсионных групп среди албанцев для ликвидации неугодных в городских условиях. Получив фото цели, ликвидато-

ры, организованные в группы по пять человек, выслались на местность, на которой работали днем и ночью, в любых условиях и любыми жертвами до полного уничтожения цели.

Купившись на треп Аванса, командиры групп решили не рисковать и лишний раз не высовываться, чтобы не обнаружить себя, а стоило бы рискнуть и разведать, особенно имея дело с русскими бойцами, чего они явно не ожидали, работая по цели в штатах. Не особо таясь дилетантов, которые разве что стрелять умеют, командиры по связи условились, обложив их со всех сторон и по команде закидали откровенных придурков гранатами, закатив по полу. Тройной взрыв оглушил всех, и боевики поржали, совместив полезное – нормализовав давление, и приятное – отправив очередную цель на тот свет. На удивление командира, да и боевиков, клубы дыма только нарастали. Они тут же снова мобилизовались и высунулись за угол, где ничего не было видно из-за дыма. Поняв, что что-то не так, командир предупредил остальных и выдвинулся им на встречу, во главе своей группы боевиков. Оба командира групп встретились на месте, где должны были валяться ошметки тел после взрыва гранат. Мотая лучом фонаря по полу из стороны в сторону, один из командиров даже капли крови не нашел, как и трупы. Не понимая, что вообще происходит, он вдруг с ужасом осознал, что командир третьей группы во главе четырех боевиков, так и не вышел к ним. Он тут же взвел оружие в его направление и жестом послал своих боевиков, теперь уже

на разведку, тут же лишившись своей группы:

– Ааа!!!

Албанец взвыл от ярости, оставшись в дураках.

Бойцы спецназа под непрерывный треп Аванса достали свои щиты, спрятанные в рюкзаках «Скорпион», пожертвовав частью боеприпаса для ПКП, и приготовились к атаке, присев и прикрыв себя со всех трех направлений. Выстояв после взрывов, первый же боец кинулся на врага, остальные за ним. Скорострел, в силу своей комплекции, был менее проворным, чем Аванс, который тут же контратаковал боевиков в ближнем бою, под его прикрытием. Пока боевики ржали, приходя в себя, бойцы по-тихому перерезали их коллег и вырвались из оцепления. Как только до командира дошел проделанный маневр, он связался со штабом по квантовой связи и запросил поддержки, указав направление прорыва. У бойцов спецназа была квантовая связь лишь для связи друг с другом, но не с кем-то с поверхности. Был канал для связи непосредственно с Ермаком, но в этом не было никакого смысла, так как ему никто из официальных правоохранителей не подчинялся, а Моника, как и Комиссар, понятия не имели даже о его существовании. Оценив ситуацию по ходу дела, бойцы быстро поняли, что рассчитывать, как и всегда могут лишь на себя и на свои навыки. К счастью им было чем удивить противника. Рейчел быстро нашла склад синоби под сгоревшим небоскребом и быстро обчистила его, передав содержимое Ермаку, для будущих подразделений.

Рейчел всегда была предусмотрительной и помимо рискованной операции по укреплению костей бойцов, которая в итоге вышла им боком, она снарядила их пуленепробиваемыми костюмами синоби. Так же в их комплект входили щиты, которые Босс отдельно искал на черном рынке по всему миру. Идея на счет щитов ей не свалилась с неба, она ее выведала у Джи, так, как только она видела костюм Инферно в действии. Одним словом, Рейчел сделала все, чтобы повысить планку своих бойцов до уровня Инферно, чтобы в итоге поставить на них и противопоставить именно их Инферно, в случае необходимости. А вот в вопросе вооружения, Пацифист вежливо ей указал на дверь, так как это уже был откровенный перебор.

Это столкновение двух сил, как никогда подходило цитате Суворова – «Не числом, а умением». Рейчел же от себя добавила чуточку технологий и современных образчиков украденной экипировки:

– Ох уж они у нас сейчас и прикурят.

Скорострел поддержал напарника:

– Знатно получают.

Пацифист – Сосредоточились.

Умение было наглухо заблокировано числом, которое снова стягивалось со всех сторон, работая на опережение и с дальних рубежей. На стороне албанцев было все: связь, поддержка ЦРУ, прикрытие мэра и все карты глухих туннелей с примерным местоположением бойцов спецназа.

На стороне Рейчел же была только Моника, которой все же удалось пробиться через шакалов из ЦРУ и осмотреть место покушения с последующим похищением:

– Похищением?

Помня телохранителей Рейчел в действии, Моника справедливо усомнилась в версии агента Смита из ЦРУ, подытожив:

– Эти парни скорее бы умерли, чем сдались.

Агент Смит нагло ухмыльнулся и ответил:

– Еще успеют.

Намек Моника поняла, как и запредельный уровень откровенной наглости, которая даже федералам не снилась, но сделать ничего не могла, субординация не позволяла. Ждать ночи, чтобы выловить ублюдка и пообщаться по душам с пристрастием, времени тоже не было, и она решила сконцентрироваться на его фразе. Оттолкнувшись от нее, она поняла, что телохранители все еще живы, а значит и Рейчел, но куда они делись с места покушения, она понятия не имела. Озираясь по сторонам, и гадая направление их отхода, она стояла прямо на люке, который шакалы из ЦРУ сразу по приезду вернули на место. Мэр, желая сохранить лицо и по настоянию своего отца, не пожелал участвовать в ликвидации родной сестры, но и мешать не стал. Перед уходом он проявил излишнюю учтивость к палачам своей сестры и предупредил о ее тесной связи с ФБР и управлением Комиссара Нельсона, которых в итоге и озадачили сто-

ронными задачами с самого верха. Все свелось к тому, что Рейчел так же рассчитывать было не на кого, во всяком случае, она так считала, в отличие от Моники. Отбросив карьеру, как и телефон, который разрывали звонками все, кому не лень из Вашингтона, банально не давая ей самой сделать звонок, Моника отобрала телефон у патрульного и уехала с места покушения. Понимая, что у Комиссара та же проблема с неожиданной востребованностью, Моника позвонила Кейт:

– Нужна помощь.

– Ты совсем охренела? После все...

– После разберемся, но, чтобы дожить до этого после, нужно найти Рейчел.

– А ты знаешь, где она?

– Никто не знает, в этом и проблема.

По началу Рейчел никому не нравилась, но как только она начала исполнять свои непосредственные обязанности, при том без оглядки на чужие интересы, объединяя при этом, до нее разобщенные структуры правоохранительных органов, поддерживая их, копы признали ее. Она усилила их позиции, повлияла на соцпакеты, и настояла на упрощении процедуры получения мед страховки членам их семьи. Она работала и пахала на благо отдельных соцгрупп, чтобы максимально объединить вокруг себя полезных людей и это, наконец, принесло свои плоды. По примеру Моники, многие из копов, в основном патрульные, халатно отнеслись к пер-

спективе своих карьер и выехали в район покушения. Моника встретила с Кейт, и, не теряя ни секунды, разложив карту на капоте машины, рассчитала расстояние, что они успели бы пройти, отступая в пешем порядке:

– А если они угнали тачку?

Моника – Ты получала сведенья об угоне?

– Нет. Все каналы забиты внеплановыми учебными вызовами.

– Вот и я не получала. Будто сквозь землю провалились.

Хоть Моника и озвучила произошедшее, тем не менее, ни одна, ни другая, не задумались над смыслом её слов и продолжили сверлить карту в поиске ответа:

– Остается патрулировать и ждать сигнала.

– Какого сигнала, Моника? Патрульные уже дважды прочесали весь район, а многих уже даже успели выгнать твои коллеги.

– Они мне такие же коллеги, как и федералы копам.

Кейт довольно улыбнулась:

– Все же есть справедливость на этом свете.

Ее поведение Монике, которая все положила на кон, только чтобы найти Рейчел, откровенно взбесило:

– Не до этого сейчас! Нужно понять, куда они пропали!

– Не знаю в чем тут дело, но пахнет это всё подставой.

– О чем ты вообще, мать твою?

– Парни из оцепления меня просветили. Они видели место покушения, как и ты, между прочим. Кстати, верни те-

лефон.

– И что?

– А то, что там сработали профессионалы и подорвали все к чертям.

– У Рейчел бронированная машина.

– А кто спорит? Я тебе о другом говорю, а именно об официальной версии, о похищении.

– Ее телохранители не из тех парней, что можно похитить. А значит, они отступили, вопрос только, в каком направлении.

– В никуда. Я тебе еще раз повторяю, район чист. Уж перестрелку в центре города, патрульные бы точно не пропустили.

Моника отчаялась уже что-то доказывать. Отчасти она понимала скептицизм Кейт, но ей явно не хватало терпения ее переубедить:

– Да оглянись, дура. На каждом перекрестке по группе шакалов из ЦРУ, НацБеза и еще хрен пойми кого. Они же явно пасут кого-то. Но главное, этот чмошник, из очередных Смитов, мне в наглуую сказал, что они еще не мертвы, а это значит...

– Что тебе паранойю лечит пора. Похищен прокурор третьего по важности города в США и первого по торговым сообщениям, только поэтому здесь собрались все. Это стандартный бардак при подобном ЧП.

– А знаешь, что, иди нахер, забирай гребанный телефон,

все равно в этом странном городе ни от кого нет толка. Вы лишь отвлекаете.

Кейт не выдала очередной издевки, так как по Моники видно было, что она действительно переживала и была уже на грани. Сама Кейт, опираясь на факты, не видела смысла рисковать карьерами ради тщетных попыток найти тех, кого давно уже увезли за город и скорее всего, отправили на тот свет:

– Прости, но мы сделали, что могли. Найдешь что-то существеннее, чем наглый выпад сранного цэрэушника – позвони, но до тех пор не стоит зря подставлять парней, у них семьи.

Кейт оставила телефон на капоте машины и уехала, оставив Монику одну, наедине с картой, в которой и намек не было на туннели канализации, в которых разворачивалась настоящая война на глубине 5, а иногда и десяти метров. Параллельно бойцам спецназа, по их маршруту на поверхности перемещались, как раз-таки подозрительные вооружены ребята из разных ведомств. Объединял их общий интерес, а именно – теневое финансирование через подставные филиалы разных компании однодневок Карпоратократии. Во время очередного боестолкновения в туннелях, на поверхности весь участок перекрывался, а все люки, невзначай придавливались колесами служебных машин.

Да, шакалы из ЦРУ, что курировали эту операцию, снова недооценили противника, но тут же исправили свою оплош-

ность. Они быстро адаптировались к сложившейся ситуации и выбрали привычную для себя тактику, а именно – на измождение противника. Неся огромные потери, они тут же посылали свежие силы и удваивали натиск, пытаясь, если не уничтожить, то хотя бы оттеснить противника назад.

Их положение было критическим, боезапас давно кончился, а использовать оружие противника они не могли, так как рукояти что автоматов, что пистолетов были защищены тактильным сканером. Восполнить боезапас так же не представлялось возможным в виду разницы в калибрах, что вероятно было подгадано заранее. Безусловно, что-то кураторы из ЦРУ знали о секретной троице телохранителей Рейчел, но они и представить себе не могли, что те, под прикрытием щитов пойдут в рукопашную против боевиков, уничтожая одну группу за другой:

– Вы спецназ или кто?! Убейте же их, наконец!

Командир первой группы – Прикуси язык, янки, а иначе я тебе его вырежу. Это ваш просчет.

Агент Смит – Уж извини, мы, и понятия не имели, что у этой суки спецназ припрятан. Но это тогда, а сейчас-то, какого хрена они проходят через ваши группы, как нож сквозь масло?!

Командир первой группы – Вот догоню и выясню, пока не понятно.

Агент Смит – Так беги быстрее, мать твою!

Командир первой группы – А ты спустись и покажи. Эти

свинью наши же гранаты следом оставляют. Мы на растяжках почти всех потеряли. Так что заткни пасть и не мешай.

У Кейт была личная неприязнь к Монике, как и повод, ей не доверять, тем не менее, схожее чувство, когда тебе не верят, ей не позволило просто уехать – «Ладно, сама прокачусь по району, пока шакалы не выловят и не выгонят». Тем временем, под землей, пик напряжения никак не спадал. Любая ошибка одного из бойцов могла привести к ликвидации всей группы, а света в конце туннеля так и не было видно. Бойцы готовы были продолжать до самой смерти, ликвидируя одну группу за другой, а вот не выполнить приказ не смели. Рейчел любой ценой нужно было вытащить из этой бойни, но ни средств, ни возможности не представлялось:

– Как думаешь, у тебя друзья остались?

Рейчел не знала, что ответить, и чтобы лишний раз не обнадеживать, просто пожала плечами. Проверив состояние Рейчел, он убедился, что она от шока не замкнулась в себе, а после приободрил:

– Аванс, тряхани-ка их как следует.

Аванс обрадовался:

– Пряма, чтоб завизжали?

– Да и по громче. Нужно внимание привлечь.

Подмигнув Скорострелу, который тут же его прикрыл щитом, именно голову, единственную не прикрытую часть тела, Аванс сорвал чеку, стоя под люком, – «...501, 502!...», после чего подбросил гранату к люку. Прикрыв уже Скорострела,

который глаз не сводил с туннеля впереди, Аванс выставил щит, который их прикрыл от осколков сверху во время отхода от пролета, наверх к люку. От взрыва, машину, которая упирала колесом люк, подкинуло, стекла выбило, а сигнализация начала визжать на всю округу:

– Какого хрена?

Кейт присмотрелась в зеркало заднего вида, шум мегаполиса не позволил ей четко расслышать взрыв гранаты, да и визг сигнализации тут же её сменил, но самое главное она не увидела, как машину слегка подбросило и, уж тем более, не заметила люк под её колесом, так как угол обзора не позволял рассмотреть ничего ниже капота машины. Дистанция более чем в сто метров пагубно повлияла на предварительной оценке, но ближе Кейт подъехать просто не могла. Хоть детективы и разъезжали на неприметных машинах без опознавательных знаков полиции, тем не менее, в сложившейся ситуации, предосторожность не помешала бы.

Кейт не поняла, что именно случилось, но самое главное, что-то произошло, а значит, возможно, Моника ни такая уж и параноидальная стерва, какой её считала Кейт. Пока Кейт думала звонить ли Монике и самое главное, что ей сказать, так как описать произошедшее не представлялось возможным, как и связать это с покушением на Рейчел, произошел второй взрыв. На этот раз шакалы ЦРУ, которые следовали четко на запад, в выбранном Пацифистом направлении, были, мягко говоря, удивлены и особенно не готовы, к его

резкой смене маршрута. Второй взрыв вырвал люк из земли, после чего до Кейт, наконец, дошло, где они. Она кинулась в бардачок и, перелопатив кучу карт, нашла, наконец, карту туннелей канализации. Быстро сверила её с картой путей сообщения на поверхности, вычислила следующую точку пересечения маршрутов и, придавив педаль газа, поехала туда:

– Моника, они под землёй, в туннелях канализации. Смени карту, дура.

– Сама ты дура. Ты уверена чт...

– Абсолютно, разве что люки сами собой вылетают н...

– Ясно, выезжаю.

– Езжай к сливу Б-8, на юго-западе что.

– Ты в курсе, что мы на прослушке? Кейт? Кейт!

Узнав точку выхода из канализации, по приказу одного из кураторов, оператор обрубил связь, что Монике, что Кейт, а последнюю велел пропустить. Снайпер приказ понял и позволил Кейт подъехать к следующему люку и более того спуститься вниз. План был прост, не препятствовать Кейт, добраться до бойцов, а после привести их в засаду, где их уже примут по полной программе, на открытой местности и со всех сторон.

Выбив люк, бойцы, наконец, увидели луч солнца на полу канализации:

– Что-то парни подкачали на этот раз.

Пацифист улыбнулся:

– Я маршрут сменил.

Хоть бойцы сразу и отвернулись от яркого света, чтобы глаза снова привыкли к мраку туннелей, тем не менее, свежий воздух так и манил подняться:

– Воля ждет.

Скорострел обидно подметил:

– Как и снайпер.

По пению птиц сверху, Пацифист понял, что, несмотря на все перестрелки и суету, все же с маршрута не сбился и находился прямо под аллеей:

– Курс на юго-запад. Там ближайший выход. Вперед!

Аванс – Мы ведь?

Пацифист – Нет, конечно, там переход на станцию метро.

Скорострел – Ну тогда ладно.

Рейчел их слабо понимала, особенно, во время переговоров в экстренных ситуациях. Бойцы же друг друга понимали с полуслова. Аванс усомнился, что Пацифист их собирается вывести на открытую местность, учитывая широкие возможности противника, особенно мгновенно перебрасывать свои силы по поверхности. Что непременно бы произошло, как только их маршрут стал бы очевиден противнику, который тут же организовал бы засаду. Но Пацифист своим коротким ответом их успокоил, лишней раз, проверив их критическое мышление, невзирая на авторитеты. Рейчел же была знатоком в методах управления, что касается методов взаимодействия, где даже глупость бывает полезной в известных пределах, у неё не хватало доверия, да и эго не позволяло.

Одна из групп боевиков не успела вовремя отойти назад, к месту организации засады и пересеклась с Кейт, которая спустилась по лестнице, прямо им за спину. О её роли, боевикам не было известно, и они тут же перевели стволы автоматов на неё. Получить запрет на ликвидацию от куратора они не успели, как и открыть огонь на поражение, умерев прежде от порывов ветра, что Кейт успела почувствовать, оказавшись между группой албанцев и подоспевшими бойцами спецназа. Не успев разглядеть в темноте пролетевшие у головы сюррикэны, Кейт была ошарашена завалившимися назад людьми, которых явно убили, притом, как получалось, прямо при ней. Недолго думая и на ходу соображая, она выхватила пистолет и с разворота, присев на колено открыла огонь по темноте туннеля:

– Не стреляй!

Услышав голос Рейчел, Кейт прекратила огонь и тут же припала к стене, вдоль которой и продолжила продвигаться, пока не уперлась в темноте в Аванса:

– Привет.

Его тон не показался ей враждебным, и она поздоровалась в ответ:

– Привет. А ты собственно кто?

– Пардон, мадмуазель, разрешите пред...

Пацифист – Кончай паясничать и пополни боеприпасы. А ты прикрой.

Бойцы выдвинулись вперед к трупам албанцев, а шакалы

из ЦРУ, прикрыли сверху люк, прижав его очередной машиной.

Кейт – Что за клоуны?

Рейчел – Они так разряжаются, как я поняла, а значит?

Пацифист – Да, перекур.

Кейт – Какой еще перекур, нам валить нужно. Рейчел, тебя весь город ищет.

Рейчел – Дай угадаю, одна половина – чтобы добить, а другая?..

Кейт – Чтобы вытащить. Моника...

Рейчел – Боюсь, Моника ничего не может, все её замы на кармане видных людей из Вашингтона, которых оказалось не так уж и просто снять.

Кейт усмехнулась:

– Ей это не сильно помешало копов пустить по твоему следу.

Рейчел оценила:

– Значит все-таки, не зря ее поставила. А Нельсон?

– Боюсь, Нельсон, как и я, не особо разделяли ее точку зрения.

Рейчел усмехнулась:

– Итого, ты здесь, а Моника там и все... Да уж, с вашей самоорганизацией я явно не доработала.

Кейт – Кто ж знал, что нас грёбанной юрисдикцией и полномочиями задавят и шагу не дадут ступить, да еще и связь отключат...

Рейчел – Я знала.

Кейт удивилась:

– Знала? Тогда какого нихрена не сделала?

Рейчел возмутилась:

– Такие приготовления скрыть уже не получилось бы, что тут же сочли бы провокацией и снесли бы меня тогда ещё раньше.

Кейт – Кто?

Рейчел – Тебе лучше не знать, да и не надо.

Кейт покивала и согласилась:

– Ладно, потом договорим, а сейчас тебя нужно вывести отсюда.

Кейт взяла Рейчел за руку, от чего Пацифист обалдел слегка:

– Куда? Её охрана, это моя забота.

Кейт – Твою заботу размазали по всей улице.

Пацифист – И, тем не менее, она все еще жива и это главное. А ты, милочка, попутчик и веди себя соответственно.

Аванс доложил Пацифисту о готовности:

– Теперь построились. Они, двое впереди, потом ты, а следом я с Рейчел. Ясно?

Кейт – Ты хоть знаешь куда идти?

Пацифист – Уж поверь, получше тебя.

В чем-то он был прав, а в чем-то нет, например, в том, что переход на станцию метро был замурован, данные, о чем не обновились в системе:

– Гадство.

Кейт не упустила возможности вернуть должок:

– Лучше меня, говоришь?

Пацифист отнесся к её выпадку с юмором:

– Смотрю, за тобой не заржавеет.

– И что теперь, Сусанин?

– Сусанин?

– Ну да, Хант часто так говорил, когда я его заводила не туда. Сейчас он бы совсем нам не помешал бы.

– Если хочешь знать, сейчас ты тем же самым занимаешься.

– Уж поняла, но тогда что делать?

– Я думаю.

– Тогда думай быстрее, мы почти дошли.

От попытки что-то придумать и как-то вывернуться, Пацифиста отвлек шум со спины, бег, ничем не прикрытый, и, по сути, атака в наглуую на их тыл:

– Бегом вперед!

Кейт – Но там засада!

Пацифист – Уже не уверен, а иначе, зачем им нападать сейчас? Бегом!

Пацифист думал в правильном направлении, как и Моника, которую отрезали от связи. Теперь она знала, что именно нужно сделать, но не представляла, как это сделать, пока не открыла багажник, чтобы экипироваться:

– А это может сработать.

Вооружившись автоматом М4А1, накинув на себя бронжилет с закрепленными карманами под магазины для автомата, она села в машину и направилась к переезду, за которым и находился слив из канализации. Переезд был заблокирован шакалами из ЦРУ, к которым Моника не стала приближаться, остановив машину в пятидесяти метрах от них, она мило им улыбнулась, а после выпустила сигнальную ракету в небо и быстро скрылась за машиной, ожидая возможного подкрепления. Шакалы не стали привлекать излишнего к себе внимания и не открыли огонь по ответственному спец агенту ФБР, ограничившись непосредственной своей задачей по охране периметра, к которому в течение десяти минут съехалось большинство копов и даже федералов со всего города:

– Сэр, у нас проблема?

Куратор ЦРУ – Какая ещё проблема?

– К нам съехали все. Судя по тому, что они экипируются и вооружаются, намеренья у них точно не дружелюбные. Нам нужно подкрепление.

– Сынок, ты оперативник, мать его, Центрального Разведывательного Управления, вас там двадцать пять таких же асов, как и ты. И ты хочешь мне сказать, что вы не способны объяснить этим любителям пончиков, кто здесь хозяин?

– Нет, сэр. То есть да, сэр, будет сделано.

– Вот и работай.

Глядя на съемку со спутникового наблюдения, куратор

связался с остальными кураторами:

– Нужно действовать немедленно. Там уже почти сто силовиков и ещё в три раза больше на подходе.

Второй куратор – Ты понимаешь, что это значит?

– Да, что мы облажались и по полной.

Третий куратор – Да насрать на этих албанцев, их ещё наплодят. Не вижу проблемы.

– Дело не в спецназе, а в этой суке, которая никак не подохнет. Мы уже весь город на уши подняли. Нас в Вашингтоне за это не поглядят.

Третий куратор – Да за что не поглядят то?

– За то, что вообще допустили такое. Ты только представь, какой шум в СМИ поднимется, сколько дерьма они нароют.

Второй куратор – Валим её, остальное потом.

Третий куратор – Согласен. Лучше страшно выглядеть, чем глупо.

Куратор вышел на связь со всеми диверсионными группами албанцев:

– 10, 11 и 12 группы, спускайтесь в усиление 1 и 2 группе и гоните их на остальных. Немедленно!

Моника копам не нравилась, от слова совсем, у них много претензий к ней было, но еще больше к чужакам, которые заблокировали проезд. Более того, часть шакалов, куратор был вынужден переместить из засады и послать в подкрепление на переезд. Как только большинство копов с передней линии заняло укрытия за своими машинами, Моника выкрикнула

из-за своей машины в сторону переезда:

– Спец агент Миллер, ФБР! На каком основании вы заблокированы...

В ответ у кого-то из асов сдали нервы, видя, как машины копов все подъезжают и подъезжают, поднимая пыль на горизонте, и он открыл огонь. Старший оперативник попытался выиграть время и приказал прекратить огонь, но тут же получил пулю за ухо после прицельного выстрела Моники:

– Да заткнись ты уже.

После чего, с обеих сторон, разразился шквальный огонь, который за секунды изрешетил все машины с передней линии, что у шакалов, что у копов. Но если копам напарники успевали оказать первую медпомощь, то шакалы воевали каждый сам за себя и умирали так же и в одиночестве. Стремительно неся потери, асы так же стремительно попытались отступить, даже не заминировав свою позицию, чтобы прикрыть свой же отход. В итоге, как только копы заняли возвышенность, тут же накрыли беглецов свинцовым дождем.

Лишившись прикрытия шакалов, албанцы так же вынуждены были разделиться, после чего избавились от средств связи, как и от поводка своих хозяев и сделали по-своему. Две группы пошли на перехват копов и федералов, чтобы их задержать, оставшиеся четыре группы пошли за Рейчел, в туннель. Залпами из гранатометов, албанцы быстро сбросили с возвышенности копов, а после и отбросили их назад, стремительно их контратаковав. Их бесстрашие произвело

впечатление на копов, которые в отличие от них, не могли похвастаться настолько жестким натиском. Опытные боевики умело переводили плотность огня с одной угрозы на другую. Они не пользовались огнем на подавление, они просто стремительно наступали и расстреливали копов практически в упор, пытаясь их запугать и обратить в бегство, что им в итоге и удалось сделать. Десять человек, показательно уничтожили пятнадцать, а после ещё пятнадцать расстреляли в спины. Заняв выгодные позиции, с двух сторон, они расширили тем самым фронт и сменили тактику, на глухую оборону:

– Вот суки!

Как только Аванс со Скорострелом замерли, Пацифист кинул Рейчел в угол и приказал Кейт:

– Глаз с неё не спускай!

Аванс оглянулся на Командира в ожидании приказа:

– К бою!!!

После чего они разбежались в двух направлениях, чтобы отеснить противника. Первым досталось Скорострелу, который в отличие от Аванса, был заточен на защиту. Встретившись на прямой, албанцы открыли шквальный огонь по бойцам, которые прикрывая голову и часть корпуса щитами, виляли из стороны в сторону, пытаясь минимизировать плотность огня, который их мог сбить с ног, а после тут же добить. Албанцы не стали церемониться и один из них сделал залп из гранатомета. Заметив снаряд, Скорострел вы-

рвался вперед и выставил щит, чтобы его перехватить. Щит выдержал, но бойца сильно откинуло назад, ударив об стену. Аванс не позволил сосредоточить на раненном напарнике огонь и тут же метнул щит в толпу, сбив им пару-тройку албанцев на пол. Уворачиваясь из стороны в сторону, он метал все, что у него было в запасе, сюрикэны, снятые с трупов ножи, припрятав лишь две гранаты напоследок.

Подавив противника, который от такого натиска упал, чтобы не поймать нож лицом, он воспользовался драгоценной парой секунд и сократил дистанцию, чтобы перевести бой в рукопашную схватку. Но тут же был обстрелян следующей группой, которая пошла второй волной. Прикрыв голову рукой, второй он волевым рывком кинул им навстречу гранату, которая попал в грудь боевика, откинула его назад. Коллеги тут же помогли нерадивому, лечь на гранату, после чего отпрыгнули в стороны. Взрыв оглушил всех, включая и Аванса, на которого кинулись те, кого он ещё с первой волны не успел добить. За его лохмотьями, которые когда-то были костюмом телохранителя, не было видно боевого костюма синоби, как раз, поэтому первые два выстрела были направлены ему в грудь, а третий в голову, контрольный. Два удара кувалдой в грудь отрезвили бойца, и от третьего он увернулся, сначала ошарашив албанца, а после сломав ему шею, прямым ударом ноги в голову – «Вот дурак!». Допустив оплошность, он тут же исправился и, перепрыгнув через второго албанца, который так и не смог вылезти из под

трупов, Аванс оказался за его спиной и тут же вырубил головой об стену. Обняв его со спины, Аванс перекинул его через себя и упал на землю, за ним, с пальцем поверх его пальца на курке автомата – «Другое дело!». Прицельными очередями он добил албанцев из второй волны, но один из них его неприятно удивил, падая, он выпустил из руки гранату с вырванной чекой. Аванс услышал щелчок чеки и тут же накинул на себя отрубленного албанца и вытолкнул ногами его навстречу осколков, а сам перекатился за очередной труп. Его снова оглушило, но на это раз его привел в чувство изнеможённый Скорострел, пнув ногой:

– Чего разлегся?

Аванс улыбнулся товарищу:

– Ты как раз вовремя... руку не подашь?

– Сам встанешь, не маленький. Сколько их ещё?

Аванс заметил, что Скорострел сменил руку, взяв щит в другую, в ту, что не тряслась. Но ни жаловаться, ни жалеть, в спецназе было не принято, а только делать выводы из ошибок:

– Все, что есть, наши. А ты устал что ли? Ну, так, иди, ещё посиди, я и без тебя справлюсь.

Это не была издевка, а проверка реакции бойца, который обычно мог ответить, а если нет, значит, дело дрянь. И дрянь не заставила себя долго ждать, в виде очередного дула гранатомета. Скорострел собрался с силами на последний рывок, а Аванс снова пошутил:

– Я же сказал, ты как раз вовремя.

Но тут же откинул назад товарища, свалив его на трупы и подхватив за ногу один из них, с волевого рывка, швырнул его навстречу снаряду, который сдетонировав, отбросил самих албанцев назад:

– Ты лежи, друг. Я сам закончу.

– Гранату дай.

– Да-да, конечно.

Вместо гранаты, Аванс придавил ему сонную артерию, вырубив его. Рисковый был поступок, но в себя он больше верил, чем в Скорострела, который был слишком бледен, чтобы удержать гранату. Взяв его щит и подобрав свой, Аванс закончил начатое, перебив всех в туннеле и даже за его пределами. Спасти Монику у него не получилось, так как ей не угрожала реальная опасность, но зато его заход в тыл противника, помог ей и копам пробить их оборону, а после перестрелять всех до единого. Хотя некоторые из них, оставшись без боеприпасов, предпочли уйти смертниками, подорвав себя гранатой.

Не смотря на поддержку, копы навели стволы и на чумазого бомжа в обносках с щитами на руках:

– Не стрелять! Не стрелять! Это мой человек! Уберите оружие! Оцепите периметр и эвакуируйте раненых!

Подбежав к Авансу, Моника спросила:

– Рейчел жива?

– Ну конечно, она же с нами. С тачкой не поможешь?

– Шутишь?

– В основном. Но сейчас не время. Подгони машину к выходу из туннеля и жди, я их сам выведу.

Пацифист, как и Инферно, прошел одиночный курс подготовки. Его готовили и тренировали как отдельную боевую единицу, так что их тактики и методы, по большому счету, мало чем отличались, во всяком случае, в сухом остатке. Торопившихся гостей, Пацифист встретил растяжкой, после чего спрыгнул с потолка в гущу толпы боевиков, выпустив по гранате в разные стороны. Сначала растяжка оглушила боевиков, после его неожиданное появление, кульминацией чего стал зажим толпы с двух сторон, который сдавил толпу боевиков друг к другу, как в тисках. Командир группы, наконец, понял секрет телохранителей, когда его придавило в грудь Пацифиста, который содрал с себя все обноски, оставшись только в боевом костюме. Албанец точно не понял, в какой именно момент, его ошарашенный взгляд сменился предсмертной судорогой, но, когда все началось, а голова закружилась, он, наконец, нащупал неловкими движениями руки рукоять ножа, торчащую из его уха, что и убедило его в том, что ему конец. Пацифист, воспользовался ошарашенностью боевиков, своим положением между ними, а иногда даже их оружием. Обхватив голову албанца одной рукой, а второй дуло его автомата, он подтащил его навстречу себе, а после потянул за подбородок в сторону. От острой боли в шейных позвонках, тот, уже не соображая,

зажал курок, перестреливая своих же. Кидая их, друг на друга, Пацифист чередовал броски с ударами ножа. Нередко прикрывая голову щитом, он тут же бил им наотмашь, опрокидывая противников, что шли на него. Сам же щит, треугольной формы, размером со спину бойца, для удобного ношения, был грозным оружием в умелых руках и щелкал шейные позвонки на пару с кадыком, как орехи. Чуть больше минуты потребовалось Пацифисту, чтобы перебить семнадцать человек, атаковав их из их же эпицентра. Албанский он не знал, но видя наглую гримасу на окровавленной морде, Пацифист понял, что до самоподрыва недалеко и тут же пнул труп, который сбил что гримасу, что планы албанца. Труп упал раненому албанцу прямо на грудь и придавил его руки с гранатой, не позволив вырвать чикю. Зато пацифисту ничего не помешало проделать тот же фокус. Уходя, он вырвал чеку гранаты:

– Это вам за братьев наших, сербов.

Подкинув гранату в сторону орущего албанца, Пацифист ушел за угол, а после взрыва побежал к Рейчел.

Пацифист – Не стреляй, свои!

Кейт была ранена и уже мало что понимала, но услышав, уже знакомый голос, успокоилась и опустила пистолет. Пацифист подбежал:

– Что произошло?

– С... с их стороны прилетело. Проверь. Там, похоже...

Кейт вырубил Пацифист, прижав ее сонную артерию. Суть

он понял, а силы ей еще нужны были. Стащив её с Рейчел, Пацифист передал её подбежавшему Авансу:

– Пулевое. С вашей стороны! Где Скорострел?

– Он тоже ране...

– Рейчел? Рейчел!

Но она не ответила. Тогда Пацифист её схватил, чтобы положить, но тут же рука его дрогнула. Он почувствовал, как её тело обмякло:

– Нет-нет-нет.

Положив её на землю, голова девушки опрокинулась на бок, тело, как и грудь не вздымалось, а вся её блузка была в крови:

– Нет!!!

Вместо машины Моники, воспользовались машиной скорой помощи, но было уже слишком поздно:

– Время смерти, 14 часов 27 минут.

Пацифист стоял перед открытой дверью скорой помощи, когда медики обкалывали, уже тело Рейчел препаратами и пытались ее откачать. Он был так же бледен, как и она. Только Аванс осмелился к нему подойти, предварительно отвадив от него Монику с её вопросами. Он стал рядом с Командиром, молча ожидая его приказа, просьбы, одним словом хоть какой-то реакции:

– К... как... как Скорострел?

После случившегося, шутливая манера Аванса, как сквозь землю провалилась. Несмотря на победу, их группа была

сильно деморализована, а значит теперь на его плечи легло тяжелое бремя по ее сохранности, пока Командир не придет в себя:

– Жить будет.

– Т... ты...

– Знаю, Командир. Как закончат, я его тут же заберу.

Больше Пацифист не смог ничего сказать – «Прости Рейчел, я подвел тебя... я никогда себе этого не прощу». Ощувив боль утраты, Пацифист вспомнил про Инферно, того, которым он был до амнезии. Теперь уже, он не считал его таким безумным, ведь в отличие от сдержанного Пацифиста, он убил всех, кто когда-либо угрожал Рейчел, и не позволил бы этому произойти. Во всяком случае, так считал Пацифист, вина себя в её смерти.

Но в отличие от Инферно, у Пацифиста был воинский долг, преданность родине, Ермаку и боевым товарищам, которые не оставили его наедине с горем. Ощувив поддержку, Пацифисту стало немного легче, и он решил поделиться ею с тем, кого вряд ли мог назвать своим братом по оружию, но кому она была необходима больше, чем кому-либо:

– У меня плохие новости.

Сережа – А ты кто вообще? И откуда у тебя мой номер?

– Тот, кто держал тебя на мушке.

– Больше это не повторится, так что забудь.

– Не о том речь... Беда с Рейчел... Её больше нет... Я знаю, вы были близки, в свое время, и хоть ты пытался...

но раз не сделал, значит что-то, но ты помнишь. Мне жаль, парень, прими мо...

– Туда ей и дорога. Не звони мне больше.

– Да как ты може... Алло? Инферно? Вот сученыш бездушный.

Без сомнений, Сережа вел себя как сученыш, но бездушным он не был. Хотя он и заикался о силе разума, тем не менее, новость о смерти Рейчел его сломила. Его неожиданно для него самого, охватило отчаяние, которое начало душить парня изнутри. Он отлаялся, как раненный пес и бросил трубку, упав на пол:

– Нет... только не это... я больше не выдержу, не выдержу, не выдержу!

Он начал следить за своим дыханием:

– Вдох-выдох, контроль... Да в жопу контроль! Ааа! Ааа! Ааа!!!

Глава 77. Кошмар

Хоть бойцы и получили четкий приказ от Ермака вернуться на базу, Аванс, понимая чувства Пацифиста, да и Скорострела, настоял на том, чтобы они остались и проводили Рейчел в последний путь. Ермак понял их и после официальной части, добавил:

– Положите розу, в цвет её характера.

Хоть они уже не были телохранителями Рейчел и не вхожи были в ее семью, тем не менее, им было больно видеть ребенка, который снова перестал говорить, замкнувшись в себе. Фокс же, перед камерами клеймил подонков, что сделали это, как в принципе и брат Рейчел, а на деле им обоим было плевать. Притом, Джаред даже не явился на похороны, сославшись на проблемы города, которые для него превыше всего. Фоксу, ссылаться было не на что и ему пришлось пойти. Хоть чем-то он угодил Наоми. А Моника, явно никому не угодила, особенно шакалам из ЦРУ, которые её допрашивали с пристрастием, как она того и хотела, но по отношению к тому же Смиту, что и пытал её. Кейт же, несмотря на своё ранение и неоднозначное отношение к Рейчел, все же пришла, хоть и ни без помощи своего парня. А Комиссар Нельсон решил пропустить процессию похорон, чтобы заняться насущными проблемами в новой реальности, под гнетом тугого каблука ЦРУ. А вот Сережа, выкроил денек

и приехал. Он не желал ни с кем видаться и предпочел держаться в стороне, выбрав такой ракурс, чтобы увидеть её, хотя бы ещё раз.

Только потеряв её и испытав боль потери, чего подсознательно боялся больше всего, он, наконец, осознал, насколько она была ему дорога. Он нарисовал себе новую жизнь, новую личность, даже по-новому попытался себя собрать, но нет. Извечный вопрос «Зачем это всё?». Без неё жизнь померкла для него – «Рейчел – Прощайте, мистер Хант, не забывайте наше свидание». Вспомнив её слова, последние слова именно той Рейчел, ради которой, теперь, он бы бросил всё и всё бы простил и даже больше, Сережа ощутил настоящую боль потери, которая разрывала острой болью его грудь. А всё потому, что её больше нет, а никто другой ему на этом свете больше не нужен. Он облокотился на дерево, а после ему жутко захотелось сползти по нему на землю. Движение ему показалось очень знакомым и как никогда уместным – «Вся моя жизнь сплошное дерьмо. Я перестал понимать что-либо. Еще пару дней назад я её любил, после убить хотел, а теперь жить без неё не могу... Я не знаю зачем... Зачем мне дальше жить...». Слезы потекли по его щекам, когда он параллельно вспомнил то, что никак не выходило из его головы – «Рейчел – Прощайте, мистер Хант, не забывайте наше свидание». Он вытер лицо от слез и продолжил себя настраивать – «Но я должен найти смысл... Смысл во всем этом!». Минуту молчания нарушил шквал огня беспорядочных

очередей по толпе. Фокс и понять ничего не успел, как упал на землю, изрешеченный пулями из пистолет-пулеметов МР-5. Наоми же успел схватить Пацифист, который перекатился к ней и тут же перекатился в яму, упав, на уже закрытый гроб с Рейчел. Вслед за ним кубарем покатались Аванс со Скорострелом, чей гипс чуть лицо не разбил первому:

– Есть гранаты?!

Бойцы выхватили пистолеты со штатным количеством обойм в запасе и помотали головами. Пацифист прижал ребенка крепче:

– Тише, тише, маленькая.

Ни костюмов синоби, ни толком оружия у них не было. Двадцать боевиков албанцев же, были снаряжены по полной и пришли добить всех тех, кто посмел почтить память той, кого приговорило ЦРУ. Спрятав девочку за спины, бойцы сели вокруг нее, выставив дуло пистолетов в сторону боевиков. Так же среагировать успел парень Кейт, который тут же прижал ее к земле, а после их накрыло трупами:

– Оружие есть?

Джон – Лежи и не дергайся.

– Но там ребен...

– Иначе всем конец.

Умом она понимала, что он прав, но сердце унять не могла, но выбора не было. Тем временем, боевики рассредоточились, на ходу перезарядили ПП и продолжили нетороп-

ливо приближаться, чтобы добить раненых, которыми в одночасье они сами стали. Непрерывная очередь пулемета вырвалась из лобового стекла одной из припаркованных машин вдоль дороги и скосила большую часть боевиков, а остальных прибило к земле. Залегшие боевики переглянулись, пытаясь оценить свою численность, но скооперироваться им не позволил звук двигателя, а после и сама машина, которая помимо памятников, сносила и их, давя на своем пути.

Как только началась стрельба, Кошмар понял свой смысл и уцепился за свою вспыхнувшую в груди ярость, чтобы снова не упасть в пропасть отчаяния и самобичевания. Отключив эмоции, все кроме ярости, он дополз до своей машины, вытащил из багажника ручной пулемет FN Minimi Para, и, установив сошки на багажник, открыл непрерывный огонь сквозь окна своей машины по ублюдкам, что отняли у него Рейчел. Отстреляв весь боезапас, Кошмар отбросил пулемет в сторону, сел в машину и придавил педаль газа, направив машину прямо на них. Без зазрения совести он сносил чужие памятники, что стояли ровными рядами, все ради того, чтобы прибить ту мразь, что убила Рейчел. Албанец, которому он отдал ноги и который теперь пытался отползти к дереву, Кошмар оставил напоследок, давя всех остальных и смешивая их трупы с грязью:

– Ааа!!!

Показательная кара вышла боком для её же палачей, которых Кошмар покарал за ту, что отняли у него. Выйдя из ма-

шины, он неспешно направился к последнему албанцу:

– Чего лыбешься, мразь?

Албанец, со звериным оскалом в глазах, показал ему гранату, но посмеяться напоследок не успел, от выстрела в живот, все его тело скрутило в невыносимой судороге, как и его морду. После чего, уже Кошмар улыбнулся:

– Я вспомнил и поверь ублюдок, вы ещё пожалеете, что к ней сунулись и начну я с тебя.

Вернувшись к машине, Кошмар выхватил пистолет, чтобы отстрелить албанцу палец и тем самым подорвать его на его же гранате, но он не стал стрелять. Ему не понравилось, что албанец не трясётся в ужасе и не кричит. «Рейчел – ... уходи и больше не смей приходить, раз не готов свою жизнь на кон поставить в попытке отобрать чужую» – вспомнив её слова, он закричал:

– Я готов! Я заберу их всех! Я Кошмар!!!

Сев в машину, не зная наверняка, сдетонирует граната или нет, после столкновения, он завел двигатель и, прокрутившись на месте, стал напротив дерева, напротив албанца, что сидел, прислонившись к нему, и уже начинал побиваться. Увидев, наконец, ужас в его глазах, Кошмар многое вспомнил, кем был и что делал, без деталей, только суть, но и этого хватило, чтобы отпустить все и уверенным в себе прижать педаль в пол:

– Ааа!!!

Высвободив свою ярость, дав себе волю, он не только раз-

мазал албанца машиной об дерево, но и все рамки, что сдерживали Ханта, но теперь не сдерживали Кошмара.

По приезду полиция тут же выдвинулась на место массового расстрела, а после к месту расправы над палачами, вернее к тому, что от них осталось, особенно это касалось последнего:

– Руки! Поднял руки, быстро! Теперь на колени!

Пацифист подчинился, поднял руки и встал на колени, к его стыду, глядя на место расправы, ему стало как-то легче на душе. Это не было похоже на справедливость, скорее безумное возмездие, но именно этого он и сам хотел. И если он не мог себе этого позволить, то он мог хотя бы помочь тому, кто способен на это.

Благодаря Кейт, Пацифиста освободили, но к её разочарованию, они не стали продолжать:

– Вы уезжаете?

Пацифист – Это не наша война.

– Сначала Моника пропала, теперь вы.

Аванс – Моника пропала?

Пацифист – Забыли. У нас другие дела.

Кейт – Вы конечно не из этих мест, но...

Пацифист – Вот именно и нам пора.

Хоть Аванс и был озадачен судьбой Моники, тем не менее, приказ есть приказ, и они в тот же вечер уехали. Правда, впоследствии, Пацифист заехал в одно место, где и пропадал Инферно, вернее уже Кошмар, вместо утренних зарядок. Его

встретил здоровый негр, который лишь наполовину открыл дверь:

– Тебе чего надо?

– Передай это Итану.

Пацифист протянул рюкзак, но негр не стал принимать посылку:

– Здесь нет таких.

После чего негр закрыл дверь, а Пацифист почувствовал чье-то присутствие за своей спиной:

– Пришел за реваншем?

Кошмар: – Это ты пришел. А на счет реванша, как ты и сказал, не об этом сейчас.

Пацифист повернулся и подкинул ему рюкзак в руки. Кошмар поймал его и рукой оценил вес, немного встряхивая его:

– Что это?

– Я не одобряю то, что ты сделал и еще собираешься сделать. Но это тебе поможет убить этих сволочей...

Пацифист прошел мимо Кошмара и попытался попросить прощение, в котором тот явно не нуждался, но которое нужно было самому бойцу:

Я не смог ее спасти, но может ты, хотя бы сможешь за нее отомстить... За нас обоих.

После того, что Итан сделал на кладбище, даже без легкой руки шакалов из ЦРУ, он был признан вне закона и объявлен в федеральный розыск. Несмотря на это, Кошмар и не думал

бежать из города. Его спрятал друг, который вполне доказал свою надежность, а также осведомленность обо всем, что происходит в городе. Но для начала Кошмар открыл рюкзак, чтобы оценить ту помощь, что предоставил ему телохранитель Рейчел, который явно его знал лучше, чем он сам себя. В рюкзаке оказался костюм синоби, пояс с какими-то колбасами, сюрикэны, которые сразу попали в руку как надо и странный серп на цепи. В комнату зашел Майк:

– В этом я тебя последний раз и видел... В смысле, нормальным.

– Тебя стучаться не учили?

– Чувак, это вообще-то мой дом.

– Ты же сказал, что на мои бабки купил его.

Майк сделал хитрую гримасу:

– А ты докажи... Кстати, совсем забыл.

Спустя пару минут, Майк вернулся к катаной в руках:

– Тогда же, ты попросил ее припрятать.

Кошмару она показалась знакомой, но что-то ему подсказывало, что ему лучше ее не касаться, а вернее не вспоминать все то, что с ней связано:

– Попросил, ну так припрячь. Как видишь, мне и без катаны тут раритета хватает. Что мне с этим всем делать?

– Ну, я так понимаю, это твое оружие.

– Это я понял, как и то, что Моника у шакалов из ЦРУ, опять же с твоих слов. И думаю, они там не чай гоняют, и она вряд ли бы одобрила очередную неделю моих тренировок.

Майк смутился:

– Да, вряд ли одобрила бы.

Кошмар присмотрелся к его лицу:

– Ты издеваешься что ли?

Майк не выдержал и заржал:

– Конечно! Чувак, из всех федералов, копов и всего того кодла, я знал только одного человека, который помог мне и моим братьям по оружию. И это, не какая-то Моника, а ты. Моей черной заднице срать хотелось, что там с этой Моникой делают, мне главное, чтобы тебя не убили.

– А мне не насрать. Если с ней работал Хант, то и я могу. Твои бомжеватые шпионы хороши, но как там все внутри устроено, знает только она. А значит, я иду за ней, такой, какой есть и точка. Я не боюсь смерти, теперь нет.

Взяв костюм, Кошмар пошел переодеваться, а Майк усмехнулся:

– Был безбашенным, стал безбашенным. Чувак, походу это даже амнезией не лечится.

Экипировавшись в боевой костюм и вооружившись Glock 18 с автоматическим ведением огня для штурма помещения, Кошмар дождался ночи и выехал на своей байке в город. Бомжи, что предпочли свободу и уже привычный образ жизни, второму шансу, снабжали Майка полезной информацией, зная ключевых людей в городе. Зубная боль, даже поневоле вынуждала самых упертых обращаться за помощью к Майку, после чего уже Майк был вправе просить у них

о той или иной помощи. Так Кошмар узнал, где именно держат Монику, и был крайне удивлен, не обнаружив её в указанной квартире. Но раз Майк сказал, Кошмар не стал торопиться уходить. Привязав к стулу миловидную бабулю, которую вырубил, когда выбил дверь, за которой та стояла, Кошмар привел ее в чувство, вылив вазу ей на голову. Та пришла в себя и от возмущения, даже не знала, что сказать, зато он знал:

– Где женщина, что сюда привезли?

– Ка... Какая женщина? Я одна живу, спросите соседей.

Удивлению бабули не было предела. Но взвесив все за и против, Кошмар все же поверил Майку и как сломал нос бабуле:

– Где женщина?!

Бабуля прослезилась и ее охватила истерика:

– Я... Я... Я не... Не знаю. От... Отпустите меня, я сейчас умру. Мне нельзя нервничать.

Кошмар почуял запах палённого и, обернувшись, заметил включенный утюг:

– Ну, бабуля держись. Сегодня явно, не твой день.

Схватив раскаленный утюг, он направился к бабуле, которая заерзала, пытаясь вырваться:

– Ааа!!!

Изжарив ей половину лица, он спросил снова:

– Где Моника!?

– В аду твоя Моника! Черти ее там по кругу пускают!

– Ого, бабуля, да тебе, я смотрю, прям полегчало.

Уже злобная карга, буквально взглядом его в ключья разрывала. Это конечно Кошмара повеселило, но ему нужен был ответ, и он ради этого выжег всё лицо бабуле, пока та не начала орать про какую-то кнопку в задней комнате. За что Кошмар ее поблагодарил и оставил уют у нее на коленях:

– Подержи, пока не вернусь.

– Ааа!!!

Ночнушка на бабуле воспламенилась, как и она сама, но Кошмару было все равно, он не собирался задерживаться. К тому же, сея хаос вокруг себя, он выводил всех из психического равновесия, всех, кто боялся умереть, всех, кроме него.

Наконец нащупав кнопку, знакомой системы из прошлого, он активировал её, а сам отступил, наблюдая, что будет. Кровать поднялась к стене, а под ней открылся люк, куда он и спустился. Благодаря таби (обувь, не издающая шум и плотно прилегающая), его передвижения были беззвучными. Попав явно в секретное, а значит опасное место, Комар не стал наугад бродить по нему, а осмотрелся и на интуитивном уровне нашел того, кто ему был нужен:

– Какого?

Кошмар не рассчитал замах, а может просто морда очередного агента Смита взбесила, и он случайно волевой замах применил, но в итоге он ему пол головы сюрикэном с ходу

срубил:

– Перестарался. Бывает.

Тем не менее, это бывает, лишило его возможности управления. Так как на его нажатия, планшет куратора не реагировал. Эту проблему он как обычно решил нестандартным способом. Вырвав из стены окровавленный сюрикэн, он срубил им палец у куратора, после чего, им как стилусом начал водить по экрану. Более-менее изучив меню, он заблокировал все двери и направился в местную комнату дознавания, где над избитой Моникой потел шакал из ЦРУ:

– Не помешал?

Оперативник обернулся и тут же кинулся к оставленной на столе кобуре с пистолетом. На этот раз, Кошмар уже сознательно срубил сюрикэном его кисть:

– Ааа!!!

– Раритет, похоже, снова в моде.

Кошмар хотел было его добить, но Моника возразила:

– Не смей... Пусть корчиться, мразь.

Кошмар не стал вмешиваться в семейные разборки между ФБР и ЦРУ, и сделал, как она попросила. Как только оперативник скончался от анафилактического шока, потеряв слишком много крови, Кошмар подошел к Монике:

– Как ты?

– Бывало и лучше... Эти мрази ее убили.

– Знаю.

У Моника снова побежали слезы, хоть по лицу видно бы-

ло, что она зла, как никогда:

– Знаешь? А где ты был, мать твою, когда они ее убивали?!

Кошмар не сильно понял суть ее претензии, но высказаться позволил:

– Полегчало?

Моника подышала, чтобы успокоиться, а после, уже обесиленная и полностью изнеможённая после того, как последние силы выплеснула в обиде на него, продолжила, дрожащим голосом:

– Только когда они сдохнут. Теперь... Либо мы их... Либо они нас... Если даже... Рейчел... Не смогла с ними договориться... То я и подавно не смогу.

Кошмар снова дал ей выговориться, а параллельно начал её отстегивать. По ранам на руке было отчетливо видно, как ей было больно, и как сильно она пыталась вырваться, что аж ремешки въелись в кожу. Тело Моника обмякло, а сама она заметно схуднула. Он не помнил, что именно их связывало, но он тут же забыл про недоразумение с Брэдом, и искренне пожалел ее. Взяв ее на руки, он направился к выходу, с которого уже заплывали клубы дыма. Моника висела на нем и в полусознательном состоянии прошептала:

– Их нельзя оставлять в живых, никого из них. Они все тут звери...

Кошмар же видел только одного зверя, себя в любом отражении. Эта неудержимая ярость в глазах, она будто сама смотрела на него, то ли из отражения, то ли изнутри него са-

мого. В любом случае, он уже начал себя ощущать прежним. Довольно странно ощущать нового себя в прежнем амплуа. Жизнь полна парадоксов, но не в вопросе, кому жить, а кому умирать. Кошмар прислушался к ее мнению и сделал то, что когда-то сделал Фокстрот с ним, чего он не вспомнил, но всплывшая идея ему понравилась, и он ее реализовал, отключив вентиляцию во всех помещениях. Семь сотрудников конспиративной квартиры ЦРУ и четыре диверсионные группы, которые спали, были обречены на смерть от удушья.

Кошмар вынес Монику из пекла в прямом смысле этого слова. К моменту возвращения на поверхность, вся квартира полыхала огнем. Двое пожарных были до ужаса удивлены его встретить в горящей квартире, в отличие от Кошмара, который быстро прошел мимо них и уже только на улице сделал глоток свежего воздуха. Проверив дыхание Моники, он тут же завернул в переулок, из которого вырвался уже верхом на байке и в обнимку с Моникой. Копы, которые обеспечивали оцепление для пожарной команды, только успели выругаться, когда он разорвал их желтую ленту, а заметить кто именно, как-то не успели.

Пока Моника отсыпалась и восстанавливалась целых два дня, не приходя в сознание, Кошмар, при поддержке Майка и нескольких айтишников, по полной готовились к следующей карательной операции:

– Смотрю, у тебя, как всегда, есть план.

Очнувшейся Монике, разве что Кошмар был рад, осталь-

ные же прятали свой взгляд, как и пытались, спрятать свои лица. Было комично наблюдать за пятью чернокожими бугаями, размерами со шкаф, которые засуетились при ее появлении и не знали куда податься:

– Что за клоуны?

Ранимые сердца взрослых мужиков не выдержали, и они тут же засветили свои лица, как и голос, с психическим портретом заодно:

– Ты кого клоуном назвала?!

– Что эта Белоснежка себе позволяет?

– Я не потерплю, чтобы меня в моем же доме оскорбляли.

Моника – Так значит ты главный?

Майк сразу остепенился и, указав пальцем на Ханта, начал оправдываться:

– Нет, это он главный и дом тоже он купил.

Кошмар просто охренел от услышанного и с ошарашенным видом оглянулся на до усрачки напуганного Майка:

– Сейчас ты тоже шутишь?

Майк громко хлопнул в ладоши и рассмеялся:

– Конечно, чувак, что эта выдра мне сделает в моем же доме? Серьезно...

Тут уже Моника обалдела и, перехватив костыль покрепче начала:

– Прошу прощения. Ты кого выдрой назвал бабуин хренов?!

Майк снова посмеялся, но уже всей компанией:

– Вот и познакомились.

Кошмар – Вы закончили?

Моника – Итан, это кто такие?

Зная любопытство Моника, Кошмар заготовил правдоподобную легенду:

– Наемники. Они не местные, а значит неприметные.

– Что-то я сильно сомневаюсь в этих ребятах. Они что слиться с толпой не способны, что почти все наемники у ЦРУ на кармане, что тоже не в их пользу.

Майк не стал лишний раз светиться, притворился дурачком и хватит. Позвав своих парней, он ушел вниз, оставив их наедине:

– Итан, кому как не тебе, знать, что нельзя идти на дело с кем попало...

– А с кем мне идти? Что ты, что Кейт стоять не можете, не то, что идти.

– У Кейт парень в спецназе. Я их командира немного знаю, думаю...

– О да, парней из спецназа я прям, сто лет как знаю. Да я никого из вас не знаю, пойми ты, наконец. Вы все ко мне приперались и заявляли, какие вы мне друзья, но я вас нихрена не помню... Какие-то образы, обрывки событий, но не более. И всё это смешано в моей голове. Но даже этого недостаточно, я нихрена ни к кому из вас не чувствую. Вы словно чужие для меня люди...

Моника – А как же Рейчел? Зачем ты тогда вернулся?

– Она, похоже, была исключением, но почему не знаю...
Более того, мне кажется, мы с ней знали друг друга еще за-
долго до этих событий.

Моника – То есть, еще до слушаний?

– Слушанья я не помню, а вот ее в Африке, помню отчет-
ливо. А еще помню сгоревшее посольство США...

– Ну, три года, это не прям задолго.

– Поверь, с моей насыщенной жизнью...

– Ладно. У Рейчел теперь не узнать, но была еще ее по-
мощница, китаянка. Она сначала с ней ходила, а после толь-
ко с тобой. Уж не знаю чт...

– Как ее звали?

– Джи.

Кошмар завис ненадолго, что удивило Моника:

– Ты уснул, что ли или вспомнил ее?

– Очередной бред... Босс Якудза... Она случайно не про-
ституткой была?

– Шутишь что ли? Помощница прокурора – проститутка,
да Рейчел бы все СМИ заживо съели бы.

– Еще помню Фукусиму.

– До аварии на станции или после?

– Во время, и то, что я вспомнил ни к аварии, ни к стан-
ции, отношения не имеет... Я уже видел их.

– Кого их?

– Тебе лучше не знать...

Чтобы сменить тему и избавиться от кошмара, Кошмар

подошел к стене с планом:

– Мне нужно, чтобы ты опознала всех причастных, чтобы я зна...

– Имя Инферно тебе о чем-то говорит?

На этот раз Монике удалось привлечь его внимание:

– Кто это?

– Не знаю, я застала вас врасплох, когда вы его обсуждали.

Когда я спросила, кто такой Инферно, вы сменили тему.

Кошмар задумался, а параллельно весь план сорвал со стены, чем снова удивил Моника:

– Что, теперь вспомнил?

Кошмар обреченно и как-то отстранённо ответил на автомате:

– Да, много чего... И ничего хорошего... Значит Инферно и Джи... Но сейчас у меня новый план. Хватить бить из тени. Я не собираюсь им что-то объяснять, я просто всех их убью.

– Это ты про ЦРУ сейчас? Ты вообще в курсе, что это возможно самая мощная разведструктура в мире? Это тебе не банды на улицах прессовать.

– То, о чем ты мне говоришь, чуждо мне, а вот мои намеренья, очень даже мне подходят... К тому же, не ты ли мне говорила, что они все там звери и что всех их нужно убить?

– Тебе известно состояние аффекта. Я еще ни то могла ляпнуть. Меня пытали почти три дня и да, я до сих пор хочу, чтобы они сдохли, но то, что ты предлагаешь, невыполнимо. Даже если ты этих убьешь, всех до единого, когда-то там, они

все равно пришлют новых.

– Я не собираюсь медлить... И как ты выразилась, этих, я так убью, что остальным nepовaдно станет, да так, что вряд ли кто-то в скором времени сунется сюда. Меня мало заботят ваши ведомственные разборки, меня волнует только смерть женщины, которую я любил, не ценил и потерял... Всеми фибрами души, я чувствую, что сам в этом виноват, но если я пойду по этому пути, я рано или поздно, снова окажусь в той гребанной студии и дам очередное предсмертное интервью... Я хотел силы, и я ее получил, а теперь я хочу возмездия и его я тоже получу, но прежде, сдохнут они. И я не Итан Хант, я Кошмар, кошмар всех выродков, что топчут эту землю, потеряв на то всякое право. Это единственное, что меня роднит со мной из прошлого, этим я и продолжу заниматься сейчас и в будущем. Теперь в этом смысл моей жизнь, я могу, а значит должен.

Одно Моника поняла точно, ни тогда, ни сейчас, она понятия не имела, с кем имеет дело. Одно лишь обнадеживало, он искренен с ней, как никогда прежде, а главное на ее стороне:

– Я их в лицо не знаю, тех, кто реально повинен в смерти Рейчел... Зря я тогда обвинила тебя.

– Моника, у меня хватает своих тараканов в голове, чтобы еще к твоим прислушиваться... Итак, ты не знаешь, но что-то мне подсказывает, что ты мне назовешь того, кто знает.

– Именно, но я еду с тобой.

– На байке усидишь?

Моника подошла к нему ближе:

– Мне нравится имя Кошмар, но этого, убивать нельзя, потом сам поймешь почему.

По приезду в фамильный дом Вудс, Кошмар начал догадываться, на что именно намекала Моника. Иммуниетет распространился и на охрану, которую Кошмар просто нейтрализовал. Вернувшись за Моникой, он ей передал бейсболку, которую снял с головы одного из охранников:

– На, прикрой личико.

– Уж поверь, не в его интересах, чтобы нас видели вместе. А вот тебе к лицу.

Моника надела ему на голову бейсболку и повернула козырьком назад:

– На счастье.

– На счастье.

Они синхронно сказали одну и ту же фразу. Моника улыбнулась и подметила:

– Ты всегда так говорил.

– Кажется ключевое слово здесь «всегда».

– Снова Африка?

– И не только. Ладно, пошли. Время не ждет.

Пробравшись в дом по ключ-карте одного из охранников, они сразу, без всяких церемоний, направились в спальню младшего Вудса:

– Проснись и пей, милочка.

Джаред лениво заерзал в постели между двух шлюх:

– Что? Вы кто так...

– Давай ускорю.

Схватив его за ногу, Кошмар с рывка вышвырнул брата Рейчел из теплой постели, прямо на пол. Схватив за волосы, он его приподнял и заставил перебирать ногами на цыпочках до деревянных дверей из клетчатых окошек, в которые влетел Джаред, проломив их собой. Следом, на широкий балкон вышел Кошмар, который снова схватил, уже ноющего, Джареда и вышвырнул его за каменные перила и направился к лестнице. Моника явно не в восторге была:

– Ты ведь знал, что там бассейн?

– Понятия не имел.

– Кошмар, мы же договор...

– Мы договорились, что я его не убью, но я не собираюсь пылинки сдувать с сосунка, который связан с убийством Рейчел, кем бы он ей не был.

Когда они спустились, Моника сильно удивилась и даже не поленилась спросить, после того, как Кошмар, незаметно для нее, убрал заготовленный сюрикэн:

– А ты чего не сбежал, придурок?

По всему было видно, что Джаред был подавлен, в отличие от Кошмара, которого он раздражал одним своим видом:

– Тебе вопрос задали.

Джаред боялся поднять глаза и ответил, сжимаясь и глядя куда-то в сторону:

– Так холодно же, а тут теплее.

Моника ожидала что-то подобное услышать, но все равно оказалась не готова к этому. Кошмар же поинтересовался:

– Он точно брат Рейчел?

Джаред уже автоматически и со страха отвечал на всё, что спрашивал голос, который его напугал на всю жизнь:

– Да, брат Рейчел и Аннабель.

Моника – Стоп, у Рейчел была сестра? Отвечай!

На этот раз, Джаред и Моника услышал:

– Насколько я знаю, она все еще есть. Но я могу ошибаться, она сильно больна, что-то с кровью или типа того.

Моника – Хорош братец. Одну сестру потерял, а про вторую даже не знает.

Джаред – А я здесь причем, Рейчел сама ее спрятала.

Кошмар – А значит, не доверяла.

Джаред занервничал:

– Нет-нет-нет, я не так выразился, она ее куда-то увезла, а я просто не интересовался. Я готовился к выборам, а потом всё закрутилось, а теперь Рейчел не стало, и я скорблю вместе с ваааа!!!

Моника – Кошмар!

Кошмар будто с цепи сорвался и с рывка налетел прямо на Джареда, прижав его лживую пасть в дно бассейна:

– Скорбел?!?! Я видел, как ты скорбел! А шлюхи тебе заплаканные платочки, значит, подносили, да, ублюдок?!?!

– Ты убьешь его! Он нам нужен!

Кошмар услышал Монику, нырнул и, схватив Джаред, от ярости оторвал его от дна и, вырвав клочок волос, вышвырнул его на плитку перед бассейном, а сам вылез следом из бассейна. Моника припала к Джареду:

– Твою мать, он не дыш...

Кошмар недолго думая ударил его ногой в живот, после чего тот выbleвал всю воду и затрясся, пытаясь отползти назад:

– Где я? Нет! Снова вы!

Не желая больше испытывать судьбу, Моника втащила Джаред в дом, а Кошмара попросила остаться на улице:

– Тебе ведь не холодно.

Кошмар уже на нее посмотрел совсем недобрым взглядом:

– Лучше не зли меня.

– А мне-то показалось, что ты кайфуешь от этого, да и сильнее явно становишься. В общем, подумай об этом пока, а я узнаю всё, что нам нужно.

Моника вернулась к Джареду, а Кошмар действительно задумался, так как он почувствовал зерно истины в ее словах – «В ярости моя сила».

Несмотря на все замечания, Моника сама не шибко церемонилась с Джаредом и выбила из него всё, что он еще с самого начала готов был рассказать сам. Благо для его семьи, он мало что знал, и это была не элементарная предосторожность, а банальное нежелание с его стороны вникнуть в суть вопроса. Джареда волновали лишь власть и деньги,

но он не способен был понять, что это разные вещи, которые перетекают одно в другое. Он сдал всех трех кураторов, вернее двух, помимо того, с которого Кошмар еще в первый вечер, случайно скальп срезал с половиной головы в придачу:

– Почему они ее убили?

– В смысле? ЦРУ, Мексика, Боливия, Аргентина, Афганистан тебе разве ни о чем не говорят? Это всё про наркотики. А Рейчел вздумала пресечь этот бизнес.

– Пресёк его Хант, а не Рейчел.

– Хант лишь расчистил место и избавился от посредников с улиц, что давно следовало сделать, но именно Рейчел не позволила им вернуться на этот рынок.

– И зачем ей это?

– Да мне, откуда знать? Я же нормальный.

Моника скептически подытожила:

– Ну да.

Моника собралась уже уходить, а Джаред расценил потерю её интереса к нему, как вероятность потери своей жизни и его прорвало:

– Стой-стой-стой, я еще слышал что-то про стягивание всех ресурсов, увеличение торговых артерий, приток мозгов, контракты с военными, контракты на строительство массивных зданий на окраине и еще до хрена всяких ее планов по модернизации мегаполиса, или обустройства новой столицы, больше я ничего не знаю, клянусь. Не убивай ме...

Моника его вырубил, чтобы прервать его скулеж и спо-

койно и в тишине сосредоточиться на услышанном – «Что же ты планировала? Или к чему готовилась? Была загадкой и осталась ею даже после смерти...». Моника опустила взгляд на вздрогнувшее ничтожество голубой крови, что валялось у ее ног, и усмехнулась – «Когда-то меня волновало то же, что и его, но я всегда хотела большего. Благодаря своей компашке таких же уродов, я полагала, что это большее выражено в финансовом эквиваленте. А после я встретила Ханта и, если честно, даже завелась поначалу...». Она усмехнулась, ностальгируя – «Эта неудержимость и целеустремленность меня впечатлили, и стряхнули с меня всю шелуху той хрени, что вела меня прямой дорожкой за решётку или на кладбище. Я наконец обратила внимание на то, что у меня всегда было прямо перед носом – на свои должностные обязанности. И знаешь, может потому что я женщина и убирать мусор у меня в крови, но мне действительно понравилось чистить город от всего того дерьма, что в нем скопилось. Но потом случилась встреча с тенью, где я впервые увидела, на что реально способен Хант, а главное поняла, что я на это не способна. Но там, в темноте, упираясь об стол и истекая кровью, мне впервые уже за долгое время стало действительно хорошо, ведь я была уверена, что умру не зря... Я не смогла стать как он, но и тобой не стала. Я до сих пор не нашла свой путь, но я сделаю все, чтобы твоя смерть не была зря. Я никогда не забуду тебя, Рейчел... Прощай».

Простившись с Рейчел в её фамильном доме, Моника вы-

терла слезы и направилась к выходу, но всплывший вопрос «А что дальше?», её заставил остановиться и задуматься – «Шлюхи... а почему бы и нет». Она вернулась в спальню Джареда и подошла к кровати, под которой тряслись от страха две проститутки:

– Привет, девочки.

Они не ответили, но их мышинные пiski, которые они пытались прикрыть руками, их ещё сильнее выдали:

– Вы ведь не с улицы. Элитный эскорт и все дела. Вас наверняка проинструктировали, что делать в такой ситуации.

Она присела на корточки и поймала цепким взглядом заплаканные глаза одной из проституток:

– Я ведь права?

Проститутка импульсивно закивала и снова прижала рот, уже трясущимися руками. Мысль, что она видела лицо потенциального убийцы, ее просто довела, так как знала лучше других, что свидетели долго не живут. Моника поняла ее и решила договориться, прямо и по существу, чтобы та поняла:

– Сделаешь, что прошу, останешься жива, а нет...

– Что? Что? Я всё сделаю.

– Так сделай, наконец, что должна.

Закинув удочку, Моника вышла и увела Кошмара от дома, оставшись наблюдать за ним неподалеку. Уже через восемь минут к дому съехались три минивэна, из которых выскочили три группы албанцев и зашли с трех направлений. Сначала

ла обошли дом, а по общей команде, стремительно проникли внутрь, притом каждая группа на свой этаж, предварительно вскарабкавшись по нему:

– Это явно не из наших, но их движения мне знакомы... во время последней перестрелки, именно эти ребята нас очень жестко прессанули, заставив отступить.

Кошмар – И зачем они нам? Я думал, нам ребята из ЦРУ нужны или ты ещё что-то выяснила?

– А ты разве не хочешь сначала руки гадине отрубить, и уж после к голове приступить?

– Я всегда думал, что хватает голову снести.

– Хватает... но так, дольше будут мучиться.

– Вот это мне уже нравится. А ты уверена, что это те самые ребята? Я достаточно их передавил на кладбище.

– Явно недостаточно. ЦРУ, если готовят серьезную операцию, то и сами серьезно готовятся и работают волнами, то есть план А, Б и так далее.

– Тогда жди здесь.

Кошмар проверил исправность Glock 18 и направился к дому, но Моника его остановила:

– Не сейчас.

– Боюсь, до утра не дотерплю.

– Я серьезно. Я не для того их вызвала. Пусть обезопасят сектор, часть своих оставят, и уберутся восвояси.

Кошмар убрал пистолет за пазуху:

– Кажется, я тебя понял.

– Смотри, чтобы хвост не срисовали.

– С их уровнем, точно срисуют, так что...

Как и что, он не уточнил, зато уточнил для Майка, вернее его ищек, описание машин и их номера:

– Уходим.

Моника немного растерялась:

– А ты не боишься их потерять?

– Вот именно, я ничего не боюсь.

Примерно полчаса они неспешно катались по ночному городу в шлемах, чтобы не опознал ни один патруль. Но как только сообщением на телефон пришел адрес, Кошмар вбил его в навигатор, хлопнул по руке Монику, чтобы прижалась к нему сильнее и тут же сорвался с места. По приезду с другой стороны квартала, Кошмар вычислил по открытым окнам, а скорее по внутреннему чутью, возможные группы наблюдения в соседних с указанным домам:

– Жди здесь.

– Тебе ведь плевать на меня, как и раньше? Только ответь честно.

Кошмар не стал церемониться и ответил, как есть:

– Похоже, некоторые вещи не меняются.

– Похоже...

Хоть Монике и стало одиноко и больно, но именно эта обреченность ей помогла решиться на следующий шаг, а именно на следующий этап, уже её операции с кодовым названием – «Месть за Рейчел»:

– Я пойду с тобой и, если нам удастся перебить их всех, я останусь. На мне достаточно увечий, чтобы все поверили, что я была у них в плену все это время.

– У них? Ты хочешь выгородить ЦРУ, чтобы с ними после договориться? Боюсь, это не входит в мои планы.

– Как и в мои. Но только так мы сможем двух оставшихся кураторов собрать в одном месте, а иначе, одного из них, мы точно упустим, прибавив другого.

Кошмару идея показалась разумной:

– Где?

– Небоскреб Вудс, ни о чем не говорит?

– Только о том, что вряд ли мне патронов и времени хватит, чтобы его зачистить.

– Как и жизни. Уверена после твоего появления, всех оперативников они держат при себе, работая на удалении исключительно этими ребятами.

– Тогда какой план?

– Твой.

– Не понял.

– Ты уже один небоскреб снес. Снеси и этот.

Самопожертвование Моника ради мести за Рейчел, Кошмар пропустил, сосредоточив все внимание на проблеме осуществления плана:

– Возможно, ты удивишься, но у меня в голове мелькает не один разрушенный небоскреб, так что не могла бы уточнить, про какой именно ты говоришь, а главное, как я это

сделал?

– Даже так?... Ну что же, это обнадеживает, значит, опыт у тебя есть.

– Да ни черта у меня нет, но мне и этого хватит.

– Нет-нет-нет. Я хочу быть уверена в том, на что подписываюсь. В прошлый раз, ты обстрелял небоскреб из соседних зданий, но сейчас там строительные работы ведутся, так что большая часть снарядов, даже не пробьётся в здание. Тем более, стоит тебе показаться на крыше, тебя тут же снайперы снимут.

– Очевидно.

– У тебя есть наемники, думаю, стоит их потратить.

– Что ты имеешь виду?

– Помнишь минивэны этих ребят?

– Ну и?

– Уверена, их номера имеют особый уровень допуска на пропускном пункте. Пусть наемники после нашей бойни перехватят минивэны, начнут их взрывчаткой, а после отправь их на последнее задание и дистанционно подорви всю стоянку. Расставив машины возле несущих опор и все здание сложится, как карточный домик.

Кошмар оценил план Моники:

– Дерзко... Мне нравится. Раз с десертом определились, может, уже приступим к основному блюду? А то уже руки чешутся.

Кошмару действительно не терпелось, ведь наконец-то,

у него была встреча с опасным противником, который в отличие от Пацифиста, не задумываясь, спустит курок и снесет ему башку. Желая по полной насладиться моментом, он велел Монике отступить и следовать за ним на расстоянии.

В итоге Моника стала свидетельницей самой кровавой и беспощадной расправы из всех, что видела за свою жизнь. Это действительно был настоящий кошмар для всех, включая ее. Поначалу Кошмар сработал тихо и достаточно чисто. Встав напротив самой тихой квартиры со всего дома, он не стал в неё вламываться, предусмотрительно сообразив, что она вполне может быть заминирована, учитывая против кого, он решил выступить. Слегка прижав ногой пол под ногой до скрипа, он привлек внимание тех, кто засел в квартире, после чего слегка повернул голову, ухом к двери и спустя пару секунд резко метнул сюрикэн. От неожиданности Моника даже вздрогнула, но тут же замерла по его примеру. Сюрикэн, пробив дверь, вонзился в чье-то тело, которое завалилось на пол. Как только Кошмар услышал второго, который громко задышал, он направился дальше по коридору, уже невзначай метнув второй сюрикэн под углом с края двери, чтобы достать второго. Моника услышала, как сюрикэн вонзился в стену, а после, будто мячик упал на пол, и тут же следом, будто уже тяжелый мешок. Со второй группой наблюдения, Кошмар расправился примерно таким же способом и наконец, приступил к зачистке основного логова, где уже сам хотел нарваться на сопротивление.

К входу в многоквартирный дом пятиэтажного здания, Кошмар подкинул презент, большим любителям уходить из жизни под взрыв гранат. Албанцы узнали знакомый скрежет металла по бетону и трое патрульных албанцев отпрыгнули от двери, которую через секунду разорвало в клочья от взрыва. Кошмар вырвал чеку и волевым броском отправил следующую гранату, уже внутрь здания, прямо в коридор, где лежали оглушенные албанцы, при этом, совершенно не смущаясь случайных жертв:

– Досчитай до десяти и иди за мной.

Проинструктивровав Монику, Кошмар, будто давая фору противнику, чтобы тот успел подготовиться и оказать ему достойный прием, в неторопливой манере направился к зданию. Лишь за три метра до подорванного входа в здание, он с волевого рывка влетел внутрь, после того как услышал звук разбитого окна. Он не ошибся, спустя пару секунд, очередная граната разорвала тишину, а уже следующая разорвала генератор в подвале и отрубил свет в здании. Досчитав до десяти, Моника аккуратно поднялась и выглянула из-за мусорного контейнера, за которым пряталась. По звукам стрельбы, она поняла, что бой переместился вглубь здания, на третьем этаже. Выхватив пистолет, она побежала к зданию, у входа в которое включила фонарь на телефоне. Порванные в клочья тела сразу настроили её на определенный мотив. Выдохнув, она собралась и пошла дальше, а дальше она уже опустила пистолет, четко поняв, что у албанцев про-

сто нет шансов против Кошмара, в который он их всех погрузил. Начиная с лестничного пролета все стены, были запачканы кровью, либо пробиты насквозь длинными очередями. Албанцы были еще живы, и даже некоторых из них Моника застала в сознании, но они уже ничего не могли ей сделать. Их тела тряслись от анафилактического шока, а отрубленные конечности валялись рядом. Изувеченные тела ещё брызгали кровавыми фонтанчиками в разные стороны, продолжая пачкать стены. Были и те, кого Кошмар не сюррикэнами разбирает на части, а подстреливал, но и в этом случае он их обрекал на предсмертную и мучительную агонию. Когда луч фонаря упал на албанца, что пытался натянуть себе жгут на ногу, он, наконец, увидел тщетность свое попытки и выдохнул, испустив дух, из-за обильной потери с двух простреленных ног.

Хоть Моника и разделяла чувства Кошмара, но оказавшись в его мире, а именно в каком виде он его себе представляет, весь во мраке, раскрашенном кровью, с разбросанными изувеченными трупами вокруг, ей по-настоящему стало страшно. Не такого правосудия она хотела, это даже на возмездие не было похоже, один сплошной кошмар, от которого не очнуться и не скрыться. Сродни ее ужасу она увидела в глазах албанца, который тихо вылез из квартиры. Не увидев в ней угрозы, он двинулся в её сторону, но тут же сюррикэн, пробив стену, вонзился прямо в ухо и пригвоздил к стене, на которой он трупом и повис. Моника вздрогнула от нежиз-

данности и прикрыла рот, как и те проститутки, что раньше неё распознали в Кошмаре того, кого следует бояться больше, чем кого-либо.

От осознание этой истины, Моника на мгновение выпала из реальности, этого мгновения Кошмару вполне хватило, чтобы к ней подобраться:

– Ну, так мы делаем дело или как?

Луч её фонаря сразу попал ему на лицо, которое на половину было заляпано брызгами чьей-то крови. Холодный взгляд и спокойный голос сильно контрастировал с тем, что он сделал и особенно с тем, как он это сделал:

– Я смотрю... ты знатно порезвился.

Дрожь в голосе выдала её волнение, которое его ни разу не смутило. Он посчитал, что для неё это был важный момент, тем не менее, время поджимало:

– Мы еще не закончили. Я нашел для тебя подходящее место.

– В смысле?

Он удалился дальше по коридору, лишь жестом показав ей следовать за ним. Учитывая, что он сделал, она скорее подчинилась, нежели пошла за ним по доброй воле. Подойдя к очередной квартире с вырванной дверью и увидев очередную расчлененку, её охватило непреодолимое желание сбежать, но было уже поздно, она почувствовала на себе его взгляд. Он ей махнул рукой из ванной комнаты, после чего её ноги сами привели её к нему. Внутри девушки все похо-

лодело от нарастающего ужаса, особенно когда он приложил руку к её лицу:

– Передай этим ублюдкам привет... Ну а после и Рейчел.

После этой фразы Моника уже не смогла сдержать дрожь в теле и почти уже в панике переспросила:

– Чт...

Но сильный удар по лицу её тут же отправил в бессознательное состояние.

Пришла в себя Моника уже только в палате больницы в компании Комиссара Нельсона и агента Смита. Встретившись с последним взглядами, хоть у неё и не было желания распространяться об их специфических отношениях, тем не менее, она лишний раз убедилась, что ей стоит помалкивать об их конфликте:

– Вас эти звери с самого начала держали в плену?

Моника покивала и ответила слабым голосом:

– Да.

Нельсон вмешался:

– Подождите с вопросами, дайте ей хотя бы в себя прийти.

Агент Смит: – Комиссар, скажите спасибо, что вас вообще выпустили. И кстати, ещё раз поднимите вонь в прессе по поводу нашего незаконного присутствия в городе, я вас лично заткну... притом не в формальном порядке. Вам ясно?

Не дожидаясь его ответа, агент Смит сам себе ответил:

– Хорошо.

И тут же перевел свой требовательный взгляд на Моника:

– Итак... Что там произошло, агент Миллер?

Не будь этого мерзкого вступления, Моника бы ещё задумалась, но теперь ответила однозначно:

– Понятия не имею.

Да, Кошмар был страшен в гневе, но она посчитала, поддавшись отчаянию и безысходности, что именно этого эти подонки и заслуживают. А что будет дальше, со всеми остальными, кому повстречается Кошмар, Моника все равно уже не увидит, а значит можно спать спокойно, хоть и вечным сном.

Агент Смит – Но что-то же вы слышали?

Моника улыбнулась:

– Да, крики отчаяния и безысходности. Уверена, что скоро и сами их услышите. Как говорится, лучше...

Агент Смит – Я знаю, как говорится, агент Миллер, но мне нужно не это... мне нужно знать, кто это был.

Моника – Скажу так... Вас всех, ублюдки, ждет кошмар.

Агент Смит пришел в ярость:

– Ах, ты, сука!

Нельсон попытался его сдержать, но Смит тут же избил его молниеносной серией и последним техничным ударом, отправив его в глубокий сон. Моника не успела, да и не смогла вовремя отреагировать, а как известно, после драки, кулаками уже не машут. В свою очередь агент Смит встряхнул свой пиджак, выпрямив все складки, он застегнул пуговицу, и как ни в чем не бывало, повернулся к Монике:

– Повезло тебе, но ненадолго.

Как только он вышел из её палаты, в нее тут же ворвались четыре оперативника ЦРУ и как шакалы налетели на Монику, скрутив её и положив на пол:

– Стоп. Пусть переоденется. Босса воротит от больничных халатов.

С разбитым лицом на половину, но в новом спортивном костюме, Монику привезли в головной офис Вудс. В лифте её предупредили:

– Не рыпайся, сука, а иначе, назад без лифта спустишься.

Моника усмехнулась напоследок:

– Как и вы.

Заметив замах, агент Смит тоже предупредил, но уже своего оперативника:

– Даже не думай... бить по лицу.

Они мерзко улыбнулись, после чего, Моника получила прикладом в печень.

– Как и сказал, не по лицу.

Агент Смит одобрительно кивнул и, усмехнувшись, приказал:

– Поднимите её, почти приехали.

На Монику снова налетели шакалы и подняли на ноги:

– Встала, тварь.

Этаж, где заседали главные сволочи, а в их отсутствие сволочи из ЦРУ, был изолирован от остальных и начинался сразу с выхода из лифта, огромным залом. Как и сказал Джа-

ред, его семья предоставила свое здание, которое частично находилось на косметическом ремонте, под временную базу выездных шакалов из ЦРУ. Пока один куратор внимательно изучал какие-то данные на экране своего планшета, другой встретил Монику:

– Спец-агент Миллер, добро пожаловать.

Моника – Ну хоть кто-то знает, что я спец-агент.

Агент Смит снова принял образ истукана и, встав возле своего хозяина, проигнорировал её издевку. А вот куратор продолжил:

– Еще бы не знать, мне ваш директор Маккейб уже весь телефон оборвал, ручаясь за вас и грозясь всё приехать.

– Так значит, мы все же договоримся?

Неприглядный мужчина с явно лишним вторым подбородком, лет пятидесяти, отчаянно выдохнул, взбалтывая крепкий напиток в своем бокале:

– Видимо все же придётся.

Он выпил залпом все содержимое, немного сморщился, притом не меняя каменного взгляда, и поправил себя:

– Или я сделаю, как обычно.

Он оглянулся к своему коллеге:

– Ты ведь не против?

Тот даже отвлекаться не стал и отмахнулся, от чего тот подытожил:

– Значит не против... А ну-ка, парни, выкажите наше отношение представителю ФБР, да пожестче, чтобы она горло

надорвала!

Шакалы тут же прикладами свалили Монику на пол, после чего прошлись по всем ее болевым точкам, дотошно выполняя приказ хозяина во всех деталях и с особым садистским наслаждением. Сам же куратор отошел к столику возле большого камина и откупорив бутылку, налил себе ещё. Снова взболтав крепкий напиток, он сел в кресло и жестом велел Монику подтащить ближе, к его ногам:

– Ты упустила важный момент, когда явилась сюда... Если честно, я даже не возьму в толк, на что ты рассчитывала... На твоём месте, я, зная себя, вскрыл бы себе вены прямо в той замызганной ванне среди расчлененных трупов албанцев... Все лучше, чем попасть ко мне... Или что, ты вправду надеялась, что директор позвонит и я, так и быть, сжалюсь и отпущу тебя? А вот хер вам всем!

Сделав пару глотков, он снова сморщился и продолжил. Станный эффект на него алкоголь оказывал, вместо того, чтобы расслабиться, он будто наоборот, напрягался и особенно злился:

– Эта сука, Рейчел... удавил бы собственными руками. Её мне уже не достать, но вас, всех вас, кто хоть раз ей помог, я вас всех удавлю и начну именно с тебя.

Моника не хотела умирать от руки такой мрази и, решив, что уж лучше быть погребенной заживо, начала тянуть время:

– За... за что?

Куратор от возмущения резко встал, но, не желая марать свои руки, обратился к слуге:

– Я не понял, она глухая или тупая. Смит проверь.

Агент Смит подошел к ней, склонился над её уже полностью окровавленным лицом и, нащупав обеими руками болевые точки под ушами, сильно надавил на них, выдавив из Моники протяжный крик, чтобы привести её в чувство. Моника помотала головой, и немного придя в себя, уточнила свой предыдущий вопрос:

– За что вы убили Рейчел?

Куратор взболтал напиток и констатировал:

– Все же тупая... ты бы о себе побеспокоилась. Её песенка уже спета, а вот твоя будет еще долго сотрясать эти стены. Я, сука, целый хор из вас собираю!!!

От толчка, что прошелся по всему зданию, Куратор пошатнулся и упал обратно в кресло, а Моника, посчитав, что это подрыв, напоследок высказалась:

– Гори в аду, мразь! Это тебе за Рейчел привет от меня и Кошмара!

Но ситуация оказалась неуместной, закон подлости сработал на полную и как никогда прежде коварно, по полной подставив Монику, которая из-за головокружения не смогла трезво оценить степень толчка, спутав его с подрывом. Зато остальные смогли, особенно Куратор, который на её счастье, сначала решил вытереть с себя пролитый напиток и уж только потом, наглую ухмылку с её лица.

Это были самые долгие тридцать секунд в жизни Моника, которая уже не понимала, что происходит и боялась снова поверить в возможность быстрой смерти, предпочтя поверить в то, что с ней обещал сделать Куратор, только чтобы снова не разочароваться так жестоко. Но это был не толчок землетрясения, а толчок после удара увесистого металлического шара на цепи, высотой в три метра и подвешенного к крану, который стоял с западной стороны здания. Как только Смиту доложили, что именно случилось с восточной стороны, он, как и предупреждала его Моника, лично увидел, хотя предпочел бы только услышать, но было уже поздно. Второй увесистый шар с протяженного замаха влетел прямо в их зал, размазав сначала куратора, который все же отвлекся от планшета, а после и самого Смита, как и все остальное, что было на его пути, включая пол и потолок, который рвала уже массивная цепь.

На этот раз Куратор упал вместе с креслом, после чего уже в панике вскочил на ноги, несмотря на свой возраст. Поднявшись, он не узнал помещение, которое видел пару секунд назад, как и парня в черном костюме синоби, который смотрел прямо на него:

– А ты еще кто так...?

– Я Кошмар!!!

С волевого рывка он в момент преодолел три метра, что их разделяли и прямым ударом ноги в грудь, сильно оттолкнул куратора назад, припечатав к стенке камина, в котором

тот начал уже сам надрывать горло, сгорая заживо. Прибыв убудка лично, Кошмар оглянулся, но Монику не нашел, она провалилась вместе с кусками пола, что, не переставая сыпались. Он был прикован тросом к цепи над шаром, который кран потянул обратно, это был последний шанс для Моники, за которой он и пришел, и который она упустила. Но повторив про себя фразу, что оказалась для него важнее, чем его жизнь – «Своих не бросаю», он решился и, отцепив трос, прыгнул на этаж ниже:

– Еще раз!

Айтишник – Эээ, чего?

Спрыгнув на этаж ниже, он тут же провалился сквозь поднавшуюся толстым слоем пыль еще на этаж ниже.

Кошмар – Мне нужен ещё один рейс, дубина!

Айтишник – А, понял, так бы и ска...

Кошмар – Быстрее!!!

Айтишник – Минута на разгон.

Кошмар – Твою мать... Твою мать!!!

Повторять было не обязательно, но звучание фразы ему понравилось и стало даже как-то привычнее, несмотря на обваливающееся здание вокруг. Здание на поверку оказалось не столь крепким, как характер Рейчел и сыпалось на глазах. Мощные удары по зданию с двух противоположных сторон и на разных высотах, сильно его расшатали, и оно покрылось трещинами по всем стенам, обваливая их. Встать на ноги оказалось куда легче, чем удержаться на них, так как

здание ходило ходуном, буквально наклоняясь то в одну сторону, то в другую. Тем не менее, пробираясь через толстые клубы пыли и уворачиваясь от массивных кусков стен и пола, что падали сверху, пробивая все на что падали, особенно приминая людей под собой, Кошмар начал кричать во все горло, пытаясь перекрыть панические вопли остальных:

– Моника!!! Моника!!! Моника!!!

Его устрашающий зов вырвал её из одного кошмара и тут же погрузил в другой. Она пришла в сознание, откашлялась, а после снова его услышала, как и оперативники, что, уже в третий раз накинута на него:

– Зови его, если хочешь жить.

И Моника позвала, но не, потому что хотела жить, а потому что не хотела позволить жить Кошмару, что был, вернее, стал настоящим зверем, который получил, наконец, волю:

– Кошмар!!!

Оперативник – Умничка, продолжай.

Переглянувшись, они тут же рассредоточились и начали искать среди слоя пыли его силуэт стволами автоматов, чтобы сработать наверняка. Происходящее вокруг посеяло серьезные сомнения в сердце Монике, которая умом понимала, что Кошмар, это угроза, но сердцем так и не смогла его предать, подведя под пули, видя, на что он пошел, чтобы вытащить её. Ведь на этот раз, он вернулся за ней не как за информатором, а из-за личных отношений, что их связывали:

– Засада!!!

Оперативник – Ах, ты, су...

Точно не видя цель и едва его, услышав, Кошмар тоже решил сработать наверняка и метнул сразу два сюрикэна в сторону оперативника, которому первым сюрикэном срезало руку до кости, а второй вошел под руку, разорвав и легкое и сердце. Его напарник перепугался и кинулся к Монике, которой сразу и прикрылся. Другим двум вообще не повезло, пол зала, что был двумя этажами выше, окончательно провалился и снес пол этажом ниже, а после, накрыв собой двух оперативников, полетел проваливаться дальше, уже зигзагами. Здание снова наклонилось уже в противоположную сторону и, потеряв равновесие, оперативник упал, выпустив автомат, который всего на полтора метра откатился. Оперативник потянулся за ним и наконец, заметив силуэт Кошмара, открыл по нему огонь. Кошмар резко перекатился в сторону, а оперативник, не желая испытывать судьбу, краем глаза проверил, не обрушен ли выход с этажа, а чтобы занять противника и уйти, толкнул Моника:

– Нет!!!

Это сработало и Кошмар, впервые забыл про противника и кинулся в пропасть за Моникой.

Айтишник – Что, нет, чувак? Десятисекундная готов...

Кошмар – Второй запускай!

Немного обкуренный Айтишник посмеялся:

– Я в толк не возьму, ты этот... этот... ну дом что ли, собрался взрывать или сносить.

– Запускай второй, мать твою!!!

– Всё, всё, понял. Зачем так протяжно и долго кричать-то...

Кошмар выбросил гарнитуру, чтобы не отвлекаться на этот бред и попытался поймать Монику, которая не смогла уцепиться и сползла по наклонившейся плите вниз, упав на этаж ниже и снова на наклонившуюся плиту. У Моники ни сил, ни воли не осталось, чтобы хотя бы затормозить свое скольжение.

Оглушительный грохот сверху, Кошмару очень не понравился и, перестав сюсюкаться с Моникой, он метнул ей в руку сюрикэн, которой она отчаянно пыталась уцепиться за какой-либо выступ на плите:

– Ааа!!!

Метнув сюрикэн вдоль, а не поперек, чтобы не срубить ей руку, он приковал её руку к плите, упершись в кость, от чего она закричала, а после ещё раз, когда разглядела торчащий сюрикэн у себя из руки. Спрыгнув на плиту, Кошмар затормозил свое скольжение по ней, сильно упирая сюрикэн в плиту, вплоть до искр. Схватив, наконец, Монику, он порвал ее рукав и сильно затянул им руку, прямо до крика Моники, которая уже только кричать и могла, трясась от шока и паники. Вырвав сюрикэн из её руки, они скатились по плите и спрыгнули на следующую, как и на следующий этаж.

Скользя с ней на руках, Кошмар смог высмотреть через разбитые окна, а уже где-то и дыры в стенах вместо них, вто-

рой увесистый шар, что медленно, но верно, летел на здание. Чтобы достать до него, ему нужно было спуститься как минимум на десять этажей, до цепи на этаж меньше, а дальше он понятия не имел, но в любом случае, у него даже на два этажа времени уже не было. С верхних этажей уже не просто обломки падали, а целые обвалы стен и плит сыпались, давя всё и всех под собой. Скользя по плите в сторону второго увесистого шара, который летел на здание, Кошмар пошел на крайность, чтобы ускорить падение, выхватив детонатор, он прокричал, чтобы собраться духом, а после прижал красную кнопку:

– Была, ни была!

Подорвав здание снизу, его конструкция уже такого удара не выдержала, и оно стремительно стало складываться, прям как башни-близнецы. За метров пять до пропасти на следующую плиту, Кошмар начал быстро перебирать ногами, чтобы вскочить на них и волевым усилием оттолкнуться от плиты, чтобы перепрыгнуть через пропасть. Так как здание проваливалось в себя, это не стоило больших усилий, так как он с Моникой на руках, как и все вокруг, и так стремительно летело вниз, а вот выпрыгнуть в окно, вернее в огромную и осыпающуюся дыру, с 56 этажа, вот это уже потребовало всех усилий, что у него были. Вылетев из окна, навстречу натянутой цепи у них обоих перехватило дыхание, у нее от крика, а у него от сосредоточенности на решающем моменте. Не помня о своем преимуществе в виде стяжки на костях, он

добавил стресса Монике, перекинув ее на лету в одну руку, что она тут же оценила, потеряв сознание. Полностью освободив одну сторону, он налетел на цепь, выставив не только руку, но и ногу, считая, что вывиха, при таком столкновении, точно не избежать. Но в очередной раз он сам себя сильно удивил, крепко вцепившись рукой в цепь, как и Моника, которая, как очнулась, первым делом закричала на всю палату.

Заново, буквально за секунду, поседевший Нельсон вскочил, как когда-то во Вьетнаме и по старой привычке тут же начал озираться:

– Что?! Что случилось?!

Моника точно не знала, что ответить, да и не смогла сразу. Только отдышавшись и успокоившись, трижды убедившись, что здание не сыпется и находится на приемлемой высоте, оценив по росту деревьев за окном, она выдохнула и прикрыла лицо руками:

– Ничего...

Наконец почувствовав боль на лице, она перестала тереть лицо и убрала руки.

Нельсон – Ну вот, швы сорвала, теперь кровь идет.

Взяв салфетку, он передал её:

– На вот, приложи пока, а я за врачом... Моника.

– Я не хочу ничего гово...

– Нет, я понимаю, хотя нет, я понятия не имею, но я не об этом. На этот раз я выставил оцепление по всем этажам, так что...

– Спасибо.

Нельсону было стыдно за прошлый раз, когда прямо в его присутствии её именно похитили. Несмотря на все уверения представителей ЦРУ, что теперь просто утопали в неудобных вопросах, Нельсон знал правду, видел её лично, но ничего не смог сделать:

– Да... наверное. Ты поспи, если сможешь. Врач сказал, что тебе это нужно.

Он пошел за врачом, а Моника откинулась на подушку:

– Ну, спасибо, Кошмар, умеешь произвести впечатление на девушку...

– Пожалуйста.

Голос, который донесся из дальнего угла палаты, её просто парализовал не то из-за своей интонации, не то из-за неожиданности:

– Ты... ты как?

Кошмар показался на слабом освещении, что исходило от фонарного столба, где-то у дороги:

– Моника, ты, что... боишься меня?

Моника сама толком уже не знала и ушла от прямого ответа:

– Вот вылетишь в окно с пятидесятого этажа, и я на тебя посмотрю.

Кошмар улыбнулся, узнав её черный юмор:

– Бери выше, по-моему, это был 56.

– Тебе как-то всего семи хватило.

– Да уж.

– Как ты вообще ходить начал? До сих пор не пойму.

– Скажем так, расходил.

– Ну-ну... А если бы он свет включил?

Кошмар снова улыбнулся:

– Неловко бы вышло.

На её манер, он резко сменил тему, но уже в другую сторону:

– Моника, а что там произошло?

– Ты, о чем?

– Мне на секунду показалось, что ты в самый последний момент меня предупредила о засаде. Ты ведь не пыталась меня предать?

Кошмар не хотел верить в это, поэтому не сдал давить на неё взглядом, но мог. Оказавшись на очередной развилке, она сначала соврала, а после ответила, как есть:

– И в мыслях не было... Но я хочу, чтобы ты сразу понял и после не жаловался. Преступишь черту, и я лично спущу всех собак на тебя и, поверь, их будет так много, что даже тебе от всех не отбиться. Всё понял?

Кошмар подошел ближе, прямо к её кровати, но Моника выдержала его взгляд:

– Черта? Да мы ее постоянно преступаем.

– Ты понял, о чем я... То, что произошло в том небоскребе, скольких людей мы под ним похоронили... Такого больше не должно повториться.

– Мы боролись за свою жизнь. И мы и они. На их стороне были ресурсы, на нашей умение и воля к победе. Мы все рискнули, кто-то больше, кто-то меньше, но в итоге-то, победителя не судят.

– Это не игра.

– Послушай, Моника. Я с огромным трудом тебя вытащил оттуда... уж извини, но на большее я не способен... Я согласен с тобой, у любого есть право на жизнь, но вот моя правда, достоин этого права только тот, кто может его отстаивать.

– Мы не в каменном веке, Кошмар.

– Пока да.

– Что еще за «пока да»?

– Точно не знаю, но думаю, Рейчел меня о чем-то таком пыталась предупредить. Она говорила о каком-то корабле в будущее, но самое главное, что мест на всех не хватит. И ты знаешь, у меня такое же ощущение. Даже впервые на такой парадокс натолкнулся, никаких воспоминаний на этот счет у меня нет, а вот предчувствие, что мир должен сгореть дотла, прям, переполняет меня.

– Ты хочешь, чтобы я выглядела как Нельсон?

– В смысле?

– Такой же поседевшей, только он из-за детей, а я из-за твоих предчувствий. Давай сначала с ЦРУ разберемся.

– Я больше никого не нашел.

– А те бойцы, что остались у фамильного дома Вудс?

– Не называй их так. Право называться бойцом, нужно за-

служить. Они ликвидаторы и туда им и дорога.

– А... Джаред?

– Он меня даже не видел, но думаю, поседет он раньше тебя.

– Очень смешно.

– Что мы все о каких-то уродах, давай лучше о нас.

– О, да, мы с тобой прям на голову выше всех этих уродов.

Кошмар выдержал паузу, что подогрело интерес Моники:

– Ну, так что ты там надумал?

– Мы неплохо сработались, а мне нужно от чего-то оттолкнуться, набить руку, так сказать.

– Даже стесняюсь спросить, как ты собрался руку набивать?

– За Рейчел мы вполне отомстили, думаю, они еще не скоро сюда сунутся.

– И что? Ты предлагаешь переехать к ним?

– Нет, забудь про ЦРУ, я предлагаю укрепить рубежи и твой статус.

– И как же?

– Ну, скажем, ты работаешь днем, а я ночью, ты на официальном уровне, а я на теневом.

– А это где?

– А это там, где ты достать не можешь, а мне раз плюнуть.

– И почему первое, что мне приходит на ум, это сделка с дьяволом?

– Кто-то идет.

Кошмар спешно подошел к окну и на прощанье сказал:
– Подумай... а то ведь уеду, а вас, снова убьют.

Кошмар был прав, кто-то действительно шел, а вот с направлением не угадал, так как человек прошел мимо – «Кошмар, Кошмар... и что теперь с тобой делать?». Но оставшись одной в темной палате, её не покидало дурное предчувствие, что из темноты на нее кто-то смотрит. После неожиданного появления Кошмара из этой самой темноты, уже очень тяжело было избавиться от этого, выворачивающего кишки, неприятного и жуткого ощущения. Возможно, именно оно и заставило Монику принять его предложение, а возможно и он сам, ведь чтобы он не говорил, чтобы он не делал, он за ней все же вернулся, в отличие от всех остальных, во главе с Клэйтоном.

Глава 78. Ермак

Ермак встретил своих бойцов в аэропорту, в том же самом, что когда-то Инферно встретил Батю. Из двух десятков хорошо обученных бойцов спецназа, всего трое вернулось и два специалиста по наблюдению. Из этой командировки сам Ермак еле живым вернулся, правда в отличие от предыдущих ран, эта так и не затянулась. Оставшись одноруким калекой, сейчас, он меньше всего об этом переживал. Мельком глянув на бойцов и убедившись, что живы и здоровы, он сразу отвел Пацифиста в сторону:

– Что там произошло?

– Я облажался...

– Это я уже слышал, как именно это произошло?

– Нас обложили со всех сторон, и нам пришлось разделиться.

– Я читал твой отчет и сейчас слышу, по сути, тоже самое и все понять не могу, у тебя что, и без этого печалей не хватает? Тебе про твое здоровье напомнить?

– Да помню я.

– Что-то по тебе не заметно. С тем настроем, что у тебя, в первой же стычке положат... Не ради себя, так хоть ради них, но ты должен и это преодолеть. У тебя не так уж и много времени, чтобы раскисать, но, чтобы внести свой вклад в общую победу и со спокойной душой и чувством выполненно-

го долга отойти в мир иной, времени более, чем предоставлено. А уж там все когда-нибудь встретимся.

– И Рейчел?

– Конечно, а куда же мы без нее. Мы же православные или ты там совсем забылся? У нас же, верный неверный, главное, чтобы человек был хороший, а заблуждаться каждый может, это не приговор.

– А Инферно?

Ермак еле сдержался от крепкого словца:

– А у Инферно, боюсь, рандеву в другом месте, пару сотней тысяч этажей пониже, там, где его позывной прям в масть, ляжет. Думаю, примерно вечность чай будет гонять с Гитлерами и ими подобным. Думаю, им будет, что обсудить, а еще лучш...

– Я ему свой костюм отдал.

– А говоришь все с тобой нормально, я же вижу, контузия на лицо.

– Ермак, он за Рейчел мстить пошел, там столько их, что ему без костюма никак. Тем более, по сути, они больше его, чем наши.

– Значит албанцы?

– Как я понял, ими ЦРУ руководило.

– Вы-то не засветились?

– Нет, ушли спокойно.

– Ну, это ненадолго. Рейчел очень многим дорогу перешла, но ключевых фигурантов мы выявили. Во-первых, ее

сдала собственная семья.

– Мне тот гад, вернее ей, тоже самое сказал.

– Да уж. Такое не каждый вынесет.

– Она и не вынесла. В последние дни... В общем, она опустила руки.

– Ну, ничего, придет время, они свое получают, как и Инферно...

– Ермак?

Ермак отвлекся, и предвкушения этого времени и продолжил:

– ЦРУ, как и албанцы лишь исполнители. Эти ребята, их трое всегда, выездные. Их обычно вызывают дерьмо прибрать, когда где-то, что-то прорывает. Ассенизаторы так сказать, короче пешки. А вот что касается заказчиков, вычислить удалось только одного, но, если уберем его, думаю остальные до конца жизни, оглядываться будут. А про плохой сон я вообще молчу.

– Все так сложно?

– Более чем.

– Так может, Инферно к делу приобщим? Цель у нас общ...

– Пацифист, ты уже оправдал свой позывной, когда пощадил его, но увлекаться не стоит.

– Ты не видел, в каком он состоянии был. Я думаю, он изменился, да Рейчел до последнего думала его завербовать.

– Да что с тобой такое?

Пацифист задумался и сказал все как на душе:

– Пока я охранял Рейчел, я его сам готов был пристрелить, но, когда ее не стало, а он все-таки вернулся, я по-другому на него взглянул, не как на потенциального врага, а как на человека со сложной судьбой. Он же ее любил, я видел.

– Да никого он не любил. Ты его личное дело не видел, это еще тот лис, столько вокруг пальца обвел, что нам с тобой не сосчитать. И запомни, таких как он, только могила лечит.

– Он Наоми жизнь спас на кладбище, как и нам, кстати.

– Кстати, если мне не изменяет память, вы сами на похороны пошли, извини меня, с голыми задницами. А что касается его, как ты не поймешь, он не спасает людей, он убивает их, притом без разбора.

– У меня тоже смешанные чувства на его счет, но что-то в нем есть, наше.

– Все, что в нем есть, наше, это гены и выучка Инструктора, вот и все. А теперь слушай, пока он там шпану гоняет, у вас проверка на мужика, очередная. Ваша цель, как раз тот, кто начинал с тренировки диверсионных отрядов, для подпольной борьбы с режимами в разных странах.

– Начинал?

– Да, чем сейчас занимается точно не ясно, но судя по нашим данным, профиль своей деятельности он не сильно поменял, скорее осовременил.

– Опять дроны?

– Именно. Но учти, технологии сейчас стремительно раз-

виваются и это уже не те массивные и неповоротливые тумбочки, что два года назад.

– Но и мы уже не те.

– Не согласен. Инструменты меняются, методы борьбы, но не мы и не наша основная цель, в этом весь смысл.

Пацифист виновато потер затылок:

– Виноват, тут ты прав.

– Не вешай нос, а то в шлем не влезет.

Пацифист с интересом оживился:

– В какой шлем?

– В тот, что с мечом в комплекте идет.

– С мечом? Ермак, ты, конечно, извини, но тут уже я не согласен, тащить эту дуру на себе. Как-никак, на дворе 21 век.

– Как раз-таки, чтобы пролететь налегке вам и не обойтись без мечей.

– То есть план уже есть?

– И надежный, а иначе Инферно бы отправил.

Пацифист от души посмеялся в отличие от Ермака, который, похоже, совсем не шутил:

– Да, запал тебе в душу этот парень.

– Он мне руку должен... А остальное отрежу за каждого, кого он убил из моих.

Пацифист попытался сменить тему:

– И какой допустимый вес?

– Меньше, чем возьмете, но по-другому никак.

– А если он сломается?

– Не сломается. Ты когда-то слышал что-то про протопланеты?

– Нет, я как-то больше по звездам.

– А вот тот, кто спроектировал костюм Инферно, не просто слышал, а знал то, чего наши ученые и по сей день не могут понять. Но суть в том, что образцы металлов с протопланет, что падают на нашу, не имеют аналогов среди наших. Это связано со многими факторами, например, средой их обитания, где они и сформировались. Так как эти планеты образуются в результате столкновения между собой, двух других, или более, факторы формирования увеличиваются, как и разнообразие того, что может упасть с них, к нам на планету.

– У Инферно есть костюм?

– Да, сам только недавно узнал.

– Но я его ни разу не видел в нем. Я источник надежный?

– Более чем, но очень склочный.

– Понятно. А его Инструктор больше ничем полезным не хочет поделиться?

– Нет. Он думает, что я Инферно убить хочу и отказывается все про него рассказывать. Говорит только то, чему мы бы у него научились. Твою налево, даже повторять тошно. Ворует технологии направо и налево, а я у него учиться после этого должен.

– Годы идут, а вы так и не помиритесь.

– Вот закопаю его любимчика, куплю бутылку хорошего

коньяка и приду к нему, если сразу не убьет, сядем, помянем сорванца, а там и сами помиримся, а пока, дело делать надо.

– Как скажешь. Ну, так, что там про мечи?

Ермак махнул рукой:

– Да как вспомню, из-за какой ерунды поругались, так все настроение в трубу. Отдыхайте до вечера, а там, на инструктаже все посмотрите, потрогаете и попробуете.

– Служу Отечеству.

– Служу Отечеству.

Попрощавшись крепким рукопожатием, бойцы разошлись.

Углубившись в джунгли на метров пятьсот Пацифист вывел группу к лагерю, к своим. Первыми бойцов по пути встретил разведдозор, но и снайпер не удержался напомнить о себе, обозначив свое присутствием выстрелом в ствол ближайшего дерева, буквально в метре от них. Что бойцы спецназа, что бойцы разведдозора тут же присели, разве что Авансу пришлось двум спецам помочь быстро среагировать, притянув их поближе к земле:

– Вы чего, очаровались что ли? Это вам не в фургоне сидеть.

Спецы смутились, тем не менее, в ответ дерзить не стали, так как в данный момент, находились не в своей стихии и полностью подчинялись товарищам другого профиля. А вот старший разведдозора сдерживаться не стал:

– Вот чертяка... Здоровается так.

Пацифист улыбнулся:

– Ну, так и мы в долгу не останемся. Скорострел, шамаль-ни-ка по холму из подствольника.

Командир разведдозора побледнел:

– Мужики, вы чего? Он же шутит так.

Троица посмеялась:

– Да расслабься, мы тоже. Идти-то дальше можно?

– Да-да, конечно, отдохайте. Акклиматизация это дело такое, необходимое.

А вот со снайпером Командир разведдозора уже не был так любезен, помахав кулаком в его сторону. Сам снайпер разгоряченного послания не увидел, так как сразу продолжил просматривать местность, а вот его напарник с биноклем во всех подробностях расписал недовольство Командира, что уже повеселило обоих.

На входе в лагерь бойцы кивнули постовым и прошли к себе в палатку:

– В шалаше, но по душе.

Аванс тут же проверил печку буржуйку, по теплу которой откровенно соскучился, в отличии от Скорострела, который принял препараты и сразу улегся в спальник:

– Не буду вам мешать.

Аванс возмутился:

– Эй, туловище, а жребий тянуть?

Скорострел, уже посапывая, лениво ответил:

– Зачем? Я же вижу, как ты по ней соскучился, вот и по-

сиди с ней, а заодно и дровишек не забудь подкидывать. А у меня отбой, отдыхать нужно, рекомендация врача, понимаешь ли.

Аванс – Вот, жучара. Ну, ничего, готовь ноги к велосипеду.

Пацифист – Никаких велосипедов. В прошлый раз чуть палатку не сожгли... Ложитесь оба, я сам послежу. Все равно выспался в полете.

Аванс не стал теревить Командира, обжегся в попытке погладить печку, прижал палец к уху и лег в спальник, тут же провалившись в сон.

Пацифисту ни сон не шел, ни усидеть на месте не получилось. Он вышел прогуляться по уже родным местам, где из него выковали настоящего бойца, но предварительно попросил постовых, продолжить следить за печкой и раз в 15 минут, заходить и подкидывать дровишек. Первым делом, хорошо зная эти места, он вычислил лёжку снайпера и его помощника:

– Ну, здорово, парни.

Парни прослушали его приближение и уж точно не ожидали появления, но суетиться не стали, услышав родную речь:

– И тебе не хворать... Повернуться-то можно?

Пацифист – Не советую. Демаскировка позиции смерти подобна.

Снайпер с напарником посмеялись:

– Шутишь что ли? А сейчас тогда что? Ты вообще, как

нас вычислил?

Теперь Пацифист посмеялся:

– Шутишь что ли? Я когда-то, как и вы, до тошноты на эти джунгли пялился через оптику, сутки напролет... Но скажу так, все это потом мне пригодилось, чем тут труднее было, тем потом легче было.

– Помедленнее сэнсэй, а то я записывать не успеваю.

– Ты сначала поправки записывать научись, где-блокнот-то?

– Блокнотом пользуюсь на дистанции от 1200, а до, прицел сам высчитывает.

Пацифист удивился:

– А Ермак дело говорил, технологии, похоже, заметный рывок сделали.

– А то. Вы как начали ученых в шапочках из фольги к нам эвакуировать, так мы и начали в прототипах разного рода утопать. Постоянно что-то испытываем. Вот, например, сейчас цифровой прицел с 35 кратным зумом, с встроенным лазерным прицелом, который сам делает поправку на ветер, рассчитывает углы, анализирует влажность воздуха, учитывает эффект Магнуса и данные радара, говорящие о движении цели. Совместив все эти данные, я получаю точку, на которую и навожусь, спуская курок.

– Понятно, вся наука – коту под хвост. Ты хоть стрелять умеешь?

– А как же. Могу тебе дать прицел и фору в пять минут,

а там, в левый глаз, чтобы шкурку не помять.

– Егерь что ли?

– Я нет, а вот инструктор мой, да.

– Знаю такого. Тогда извини.

– Да ничего. Самому смешно, но, как я понял, времени у нас почти не осталось, вот и делают основной упор в боевой подготовке на выживании, тактике и взаимодействии, а на стрельбу уж времени не остается. Как говорится, крутятся, как могут.

– Правильно ты понял. Времени действительно нет... А про мечи ты что-то слышал?

– А как же. Острые как бритва и режут всё, буквально всё. Не знаю, что за сплав, но я бы намного увереннее себя чувствовал с этим Экскалибуром за спиной.

– Не знаю, как ты, но я бы свою спину никому не доверил, кроме меча-кладенца, и уж точно не англосаксам.

– Подловил... Только он тяжелый зараза, килограмма два весит.

Пацифист задумался, вспомнив о допустимом весе на новом задании:

– Видать далеко, лететь придется.

– Ты это о чем?

– Я говорю все дело в воле, а за вес не беспокойся, так для замаха лучше. Придет время, поймешь.

– Как скажешь, сэнсэй.

– Ну, посидели и хватит. Удачи вам, парни.

– Служу Отечеству.

– Служу Отечеству.

Пацифист обошел возвышенность и расположился с видом на полигон, где когда-то, буквально за пару лет до Инферно изнывал от боли и учился преобладать над собой. Эти воспоминания, насколько неподъемными были, настолько и дороги Пацифисту, ведь именно здесь он обрел смысл своей жизни, идею, братьев по оружию и настоящего Командира во главе. Долг и честь здесь, среди этих людей, на чужбине, были не пустым звуком, а руководством к действию. Воспитанные, а некоторые и перевоспитанные в традициях русского народа, они были сплочены единой идеей – Россия должна выжить... любой ценой.

Посидев на памятном месте пару часов, он и не заметил, как время пролетело. Упоенный воспоминаниями, которые были пропитаны потом и кровью во время подготовки, Пацифист даже как-то забылся, скинув балласт тревог и печалей, что необходимо было при подготовке к очередному заданию. Оставив седьмую зарубку, он про себя помянул всех тех, кто так и не вернулся с последнего задания – «Вакцин, Алмаз, Даг, вы были последними из первого призыва и, как и положено, достойно ушли в борьбе за правое дело... Не думал я, что так быстро займу ваше место и уж тем более в одиночку. Были мысли насчет Инферно, но Командир в этом вопросе непреклонен. Ему конечно виднее, но думаю, как всегда перестраховывается... Да уж, раньше хоть на передовой отво-

дил душу, а теперь, в тылу, точно задряхлеет. Не такого финала он желал... как и все мы».

Ощувив горький привкус уныния, Пацифист поправил себя – " Что не делается, все к лучшему. Он своим опытом поделится, такого инструктора днем с огнем не сыщешь, а новые бойцы нам нужны, как и патриоты России. А я... А я постараюсь не посрамить честь мундира. Да и за товарищами прапорщиками глаз да глаз, а то ведь негоже, раньше срока уходить... Ладно, братья, спите вечным сном, а я, как только, так сразу к вам, готовьте стол, что называется...».

Товарищам прапорщикам, сон тоже не шел, вздремнув чашок, они вышли из палатки, и подсели к молодым, так сказать, байки травить у костра:

– Давненько я местного деликатеса не пробовал, а ну-ка мужики, позвольте кусочек отрезать.

Боец – Да угощайся, только лучше много не ешь, а то застрянет.

Бойцы посмеялись, а Аванс принял очередной вызов:

– Смотрю тяжело вам одними змеями, да травкой питаться.

Боец – И не говори! Одного много не съешь, а другое, сколько ни ешь, никак не наешься.

Аванс – Ладно мужики, раз такое дело, секрет вам один открою.

Боец – Ну-ка, ну-ка, поделись мудростью.

Аванс – В густых зарослях джунглей, если внимательно

поискать, можно орехи найти. Питательны, всегда под рукой и какое-никакое разнообразие.

Бойцы обрадовались и уже за картой потянулись, чтобы отметить лакомые места, как Скорострел вмешался и все сорвал:

– Ты про Физис что ли? Не слушайте вы его, это он вам так за подкол со змей мстит. Попробуете эти орешки, удлиненные семена и они у вас не то, что застрянут, а скорее вылетят, как пробка из шампанского в новый год. И лететь будет столько же, сколько и праздничных выходных. Недели две с толчка не слезете.

Аванс неловко усмехнулся:

– Друг мой любезный, они уже поняли, а вот ты еще не понял, что они вот-вот на нас набросятся...

Скорострел сильно удивился:

– На нас?

Но разглядев лица шестерых бойцов напротив, Скорострел с сожалением констатировал:

– Хотел, как лучше...

Аванс посмеялся:

– Ну а получилось, как всегда. Этот мой...

Но лихую традицию кулачного боя прервал Пацифист:

– Отставить! Аванс, что на этот раз ты выкинул?

Аванс, ни то от возмущения, что не размялся на горячих юнцах, ни то от обиды спросил:

– А почему чуть что, сразу Аванс?

Пацифист – Ну не Скорострел же? На нем защита, а раз дело дошло до атаки, здесь к гадалке не ходи – Аванс снова пошутил.

Аванс – Смех продлевает жизнь.

Скорострел – Только в твоём случае, за счёт твоей.

Бойцы посмеялись:

– Вот, у товарища лучше поучись, продлеватель.

Аванс уточнил:

– Сказали же, у нас профили разные. Он успокаивает людей, а я провоцирую. Фэрштейн?

Бойцы решили уточнить:

– То есть, хочешь сказать, что в твоей подлянке была скрытая мораль?

Аванс сходу ответил:

– Конечно. На мои провокации обычно только хитрожопые ведутся, кто считает, что им общие порядки не писаны.

Хоть бойцы и не на такую мудрость рассчитывали, тем не менее, от своей претензии набить ему морду, дружно отказались.

Поняв, что их конфликт улажен, Пацифист поднял своих и велел возвращаться в палатку:

– Вижу сон, к вам не идет, как и мне. Тогда раскладываем снаряжение, оружие, дописываем отчеты, кроме отгула. Его лучше не упоминать, и готовимся к инструктажу.

Сдав все оружие и снаряжение, что осталось после последней операции, бойцы, уже налегке пошли к Ермаку в палатку

на инструктаж:

– Разрешите?

Ермак – Да, проходите мужики... Жалобы, пожелания есть?

Пацифист сразу перевел взгляд на Аванса, который как начал, так тут же и закончил, протяжно выдохнув. Скорострел же выдал нелепую улыбку, отчитавшись за всех троих.

Ермак – Понимаю... Здоровье как? Кости не ломит? Звон в ушах не беспокоит?

Пацифист – Все в норме, товарищ полковник. Разрешите уже приступить?

Ермак – Поспешишь, людей насмешишь.

Аванс – Это как раз ко мне, товарищ полковник.

Ермак, с явным предвкушением чего-то, перевел хитрый взгляд на Аванса:

– Боец, ты давно не бегал?

Аванс тоже что-то начал предвкушать, ожидания смешались с переживаниями, и он выдал, что-то невнятное:

– Эээ...

Ермак – Давно, ой как давно. Ты ж мой любимый марафонец. Чуть что не так, на очередной рекорд шел. Но тебе повезло, выжимать тебя сейчас нельзя, а то ведь с потом и все препараты для акклиматизации из тебя выйдут, а это не хорошо и даже расточительно.

Остальную часть Ермак уже передал внушительным взглядом. Он хорошо относился к Авансу, более того имен-

но благодаря его показателям в свое время выставил планку наказаний для, так сказать, неординарных личностей. Но все же его, достаточно развязный, нрав не поощрял, и всякий раз напоминал о допустимых границах, за пределами которых, ему делать нечего. Аванс с облегчением многозначительно повторил:

– Не хорошо...

Они поняли друг друга, и Ермак перевел взгляд на Скорострела:

– Щит поднять сможешь?

Скорострел воодушевился:

– А как же. И щит поднять и меч опустить, все как учили.

Ермак перевел взгляд на Пацифиста:

– Вижу предварительный инструктаж ты уже и сам провел.

Пацифист – Никак нет. У Скорострела бывают, моменты предвиденья, так сказать.

Ермак посмеялся:

– Ну, старлей, поздравляю, у тебя, что не боец, то уникальная личность. Особенная, так сказать, да Аванс?

«Действительно, давно не бегал» – поностальгировал Аванс и сходу ответил:

– А я вам, товарищ полковник, об этом сколько раз говорил, а вы все – Один, как все и все как один.

Пацифист – Аванс...

Ермак – Да нет, ничего, пусть побегают, мне ж не жалко.

Скорострел сначала не особо понял улыбку Ермака, который довольно посмотрел на них обоих, зато Пацифист все сразу понял:

– А как же инструктаж, Ермак?

– Так они же особенные. Вот провидец после пробежки и поведает своему товарищу все детали предстоящей операции. Я ведь прав?

Скорострелу меньше всего хотелось втягиваться в очередную авантюру своей боевой двойки, но бросать товарища, в любой ситуации, у них было не принято, и он ответил, даже громче самого Аванса:

– Так точно!

Почувствовав поддержку с тыла, Аванс, в очередной раз решил скрасить томный вечер в сырых джунглях:

– Товарищ полковник, так я сразу могу сказать – Мы победим.

Ермак посмеялся:

– Ну, боец, суть ты верно уловил.

Скорострел тоже решил пошутить, чтобы не оставаться в стороне:

– А я бы не был так уверен, ибо будущее наше, как в тумане. Впереди год, а что дальше, не понятно.

От его шутки, что Пацифист, что Ермак, как-то потяжелели. Чтобы не позволить тревожным мыслям зародиться, Ермак скомандовал:

– На старт! Внимание! Бегом марш!

Оба бойца тут же вылетели из палатки, и зашли на хорошо знакомый Авансу круг, в 12 км.

Ермак открыл флягу, сделал пару глотков, а остальное вылил за голову, чтобы взбодриться:

– Я так понимаю, об этом он тоже сам предвидел?

– Я им ничего не сказал.

Ермак подумал над чем-то пару минут, а после, как-то потечески сказал:

– Все равно, когда-то, все там будем, так чего же раньше времени томить себя. Никто не знает свой срок и это правильно. Тяжелые это мысли, ненужные...

Посмотрев на Пацифиста, он продолжил:

– Никто, кроме тебя. Я смотрю ты все же забрал частичку своей срочной службы из ВДВ.

Пацифист гордо кивнул:

– Да, самое главное, девиз.

Чтобы немного отвлечься и разрядить ситуацию, Ермак поинтересовался:

– У нас конечно не армия, но почему твой боец, строптивее, чем обычно? Ты им что, слабину дал?

– Дело не только в этом, я все же не ты, да и твои замы на голову меня выше были, земля им пухом... Там девушка в беде осталась, к которой он явно равнодушен остался. А ты же его знаешь, он только с виду трепач, а суть или наболевшее, даже тисками из него не вытянешь.

Ермак подошёл и положил руку на плечо бойца и посмот-

рел ему в глаза:

– У нас долг. Всех нам не спасти и Рейчел тому яркое подтверждение...

Отступив от Пацифиста, Ермак вернулся к столу и раскрыл карту:

– Но отомстить за нее мы должны. Не чтобы самим легче стало. Мы ее потеряли, и легче уже никогда не станет, нам придется смириться с этой утратой и жить дальше и позаботиться о том, чтобы жить дальше смогли все те, о ком она просила позаботиться. Достанем эту мразь, что считает себя неприкасаемой и остальные трижды подумают, стоит ли идти дальше, за ее дочь и сестрой. Семью Кеннеди наказывали в трех поколениях за выходку Джона Кеннеди, что вздумал национализировать доллар. Наша задача, не допустить этого проклятья, уже семьи Вудс. Рейчел больше, чем кто-либо помог нашему делу, и мы не имеем право ее подвести.

– Согласен, итак, какой план?

Когда Пацифист вернулся в палатку, бойцы во всю заняты были банными процедурами. Скорострел мотал веники, а Аванс расставлял камни на печке, которую раскалял до красна:

– Шапочки не забудьте.

Аванс – Сейчас все будет.

Пока бойцы готовили инвентарь и тушёнку прямо в банках на печке, Пацифист тоже решил размяться и пробежался, выпустив, так сказать, пар перед предстоящей операцией.

Самодельная парилка, оказала целебный эффект, не только физически расслабив, но и морально:

– Сейчас бы в сугроб с головой.

Пацифист – Сугроба я не видел, а вот тарзанку, которую молодые сделали, видел.

Скорострел, истекая потом, быстро оживился:

– Где?

Пацифист коварно улыбнулся и голышом выбежал из палатки, вскрикнув на бегу:

– Кто последний, на том укладка парашютов!

Хоть Аванс и был неоспоримым чемпионом по скоростному бегу с препятствиями во мраке джунглей, тем не менее, нарочно отстал и прибежал последним. Он подошел к соревнованию разумно, на Пацифисте лежала подготовка к предстоящей операции, а Скорострелу еще нужно было отлежаться, чтобы восстановить руку и Аванс удовлетворился лишь участием в их состязании. Хоть эту тарзанку уже сами бойцы из лагеря делали с явным уклоном в сторону развлечения, нежели в сторону испытания, тем не менее, и высоты на пике в двадцать метров хватило, чтобы взбодриться. Один за другим, прыгнув в воду, они остудились, и Аванс задал весьма уместный вопрос:

– А кто-то запомнил дорогу обратно!

Спустя три дня, как только полевые врачи в оборудованной лаборатории довели руку Скорострела до ума, они выдвинулись и на этот раз высоко в горы. В виду скалистого

ландшафта, десантировались бойцы к подножью горы, на которую в течение еще трех дней взбирались, от всего сердца в душе благодаря Ермака за подъем налегке. Поднявшись на вершину, бойцы подошли к краю обрыва:

– Готовимся.

Сняв все лишнее снаряжение, Аванс первый оценил низкую температуру и разрежённость воздуха:

– А тут довольно прохладно.

Пацифист – Сейчас согреемся. Все помнят очередность?

Несмотря на то, что бойцы кивнули, Пацифист все равно продублировал предстоящие действия:

– Как только я подрываю, максимальная готовность. Нам нужно поймать порыв лавины, так что полетим с ветерком. После прыжка сначала нормализуем давление от резкого перепада высот и по моей команде отстреливаем баллон с кислородом. И смотрите друг в друга им не попадите, поначалу летим разрывно. Как сбросим все и наберем скорость, выстраиваемся за Скорострелом.

Скорострел – Да нормально все со мной. Врачи на славу постарались.

Аванс – Ты вообще, о чем? Просто тебя не жалко, вот и летишь первым.

Пацифист – А ну собрались... Это вам не обычное десантирование. Здесь все против нас из того, что нам известно и тем более из того, о чем мы и понятия не имеем. Мы собираемся вторгнуться во владение человека, который считает-

ся лучший во всем мире по проектированию охранных систем и подготовки сил, работающих на опережение. Подготовка диверсионных групп албанцев, это его рук дело. И уж поверьте, свое логово он оборудовал по полной и уж точно не албанцы охраняют его покой, а нечто куда совершеннее.

Аванс улыбнулся:

– Чем выше поднялся, тем больше упадет.

Скорострел сделал, весьма уместное замечание:

– Смотри, чтобы мы сами не оправдали твоих ожиданий.

Пацифист решил переиначить и направить их порыв в нужное русло:

– Вот именно, смотрите в оба, и держимся вместе.

Бойцы переглянулись и поддержали Командира, настроившись на боевой лад:

– Задача ясна. Враг будет разбит, как всегда.

– Тогда за работу, парни... За Рейчел.

– За Рейчел.

– За Рейчел.

Пацифист достал детонатор и немного размял шею, подходя к самому краю обрыва, что сделали и его бойцы, встав в двух метрах по обеим его сторонам. Пацифист посмотрел на детонатор, а после прижал красную кнопку, проговорив про себя – «Поймаем волну». Заранее, еще при подъеме, установленные заряды взорвались и обрушили огромный снежный массив, который обрушился с горы и устремился вниз стремительной лавиной. Интерфейс новых шле-

мов, которые пришлось подстать боевым костюмам синоби, рассеяли туман и выделили силу потока, обозначив ее инфракрасным пятном:

– Вперед!

Троица тут же сбросилась с обрыва и, раскрыв вингсьют, направилась в сторону потока лавины, а именно к каньону, который начинался у самого подножья горы. Как только они снизились достаточно, выйдя из зоны разряженного воздуха, они отстрелили баллоны и тут же перевернулись в воздухе в сторону, сев на хвост Скорострелу. Костюм в автономном режиме сбалансировал давление в костюме, требуя от бойцов лишь корректировку дыхания.

Поймав поток, который ворвавшись в узкий каньон, заполнил его своим порывом, бойцы ощутили под собой словно воздушную подушку, которая не давала им снизиться и более того, постоянно ускоряла их. Маневрировать между скалами тоже особо не пришлось, так как воздушный поток преимущественно сам их направлял, по крайней мере, первые километры, пока он не рассеялся:

– Не хочу паниковать раньше времени, но мы снижаемся.

На что Пацифист велел приготовить обманки и ждать его следующей команды. Спустя пару секунд они, наконец, долетели, и из скал показалась замаскированная система автоматического залпового огня. Но они лишь успевали выдвинуться из скал, но не открыть огонь, так как заметить цель ещё успевали, а идентифицировать ее, уже нет. Пацифист

исправил этот неудобный всем момент:

– Сейчас!

Выпустив обманки, которые тут же оставались позади, турели открыли по ним огонь, а бойцов стремительно начало вновь разгонять, но уже от взрывных волн:

– Работает!

Пацифист – Собрались!

В течение километра по ним, а вернее их обманкам, турели, встроенные в скалы на каждой сотне метров, не переставали вести залповый огонь из орудий, что их здорово разгоняло, но также бросало из стороны в сторону, так как взрывные волны смешивались, а после выталкивали их в разные стороны, сильно колебля их курс, на котором оказалось слишком тяжело удержаться. Даже Авансу пришлось полностью погрузиться в процесс корректировки. Среди огня и дыма, Пацифист наконец заметил их парадный вход:

– Водопад в скале!

Но Скорострел его уже не слышал. Боец просто не успел полностью восстановиться, и его физическая форма не позволила ему выдержать непрерывные сотрясения всего вокруг, и он отключился. Обиднее всего то, что они уже были на финишной прямой. Пацифист не успел отдать приказ, но Аванс и так понял, и они синхронно подхватили Скорострела, который уже отключился и почти в обнимку, втроем, пробились через сильный поток водопада.

Оказавшись внутри огромной пещеры, а вернее декора-

тивного рая на земле с искусственным освещением, Аванс тут же оттолкнул Пацифиста и раскрыл свой парашют, перехватив ногами Скорострела. Пацифист понял его опасения, и раскрыл свой на удалении, чтобы стропами не запутались. После жесткой посадки, которую сильно смягчили высокие пальмы, за которые зацепились купола, бойцы собрались вместе и привели в чувство Скорострела:

– Проснись и пойдь, Иванушка. Опять войну проспал.

Скорострел – Да иди ты.

Повернувшись к шлему Командира, он виновато признался:

– Что-то дурно стало.

Пацифист – Сейчас-то как?

Скорострел попытался всех обнадежить:

– Да хоть телегу с разбегу.

Аванс – Другое дело. Значит ты за телегой, а мы пока осмотримся.

Скорострел – Каку... Да ну тебя.

Пацифист с тревогой осмотрелся:

– Куда это нас занесло?

Человек, который именовал себя Наблюдателем, происходил не из родовитого рода, который насчитывал всего каких-то три сотни лет. Таким дворняжкам никогда не сравниться ни с Меровингами – древнейшему роду в Европе, который насчитывал почти две тысячи лет, ни с Рюриковичами, которые так же сменили пару тысяч лет, ни с Чингизидами.

ми, чьих потомков до сих пор некоторые всерьез опасаются, признавая власть над собой лишь Меровингов. Тем не менее, род Наблюдателя, с самого начала занял свою уникальную нишу и проявлял свою власть, в своей незаменимости. Продав душу сначала индустриализации, а после техническому прогрессу, его род изобрел достаточно много сначала механизмов, после машин, а теперь и подобие искусственного интеллекта, а вернее роевого сознания. Все, с чем его противники сталкивались до этого, были лишь жалкие прототипы, одинокие звенья, детали, огромной цепи, цифрового механизма, над которым он работал всю сознательную жизнь:

– Кто посмел?

Прогрепевший голос хозяина по всей его обители, через динамики, отразился длинным эхом в ушах бойцов. Право ответить, Пацифист доверил Авансу, который всегда и любого мог к себе расположить. Но видать, Наблюдателя, Аванс не хотел расположить к себе, и недолго думая выставил средний палец, махая им то в одну сторону, то в другую:

– Тебе хорошо видно, придурок?! Это тебе от Рейчел!

Наблюдатель не привык слышать дважды имена недолюдей, которые ему докучали:

– Это будет интересно... для меня... и больно, для вас... очень больно.

Аванс – Боюсь-боюсь, так что лучше сам себя убей, чтобы не пришлось, мучаться после.

– Теперь это ваш удел... мучится и страдать. Агнес! Раз-

берись с нарушителями, а дальше по всем протоколам инквизиции. И проследи, чтобы я о них больше не слышал.

Аванс не смог сдержать смеха:

– Он что, бабу послал с нами разобраться?

Пацифист – Тихо.

Пацифист обозначил задачу жестом руки, и бойцы тут же заняли круговую оборону, внимательно озираясь по сторонам. Скорострел первый заметил силуэты тех, кто мельтешил за кустами в двух сотнях от них, перебегая из стороны в сторону. Он присмотрелся и сначала недоумевая, выговорил, а после закричал:

– Соба... Щиты!!!

Вычислив направление атаки, бойцы не стали уходить в оборону и предпочли перейти в контрнаступление по флангам:

– Подержи их пока.

Скорострел, уже успев ощутить мощный натиск шквального огня миниганов, который его отталкивал назад, пока он не вонзил щит в землю:

– Как?!

Аванс – Косточку покажи!

Пока Скорострел сдерживал натиск, Пацифист и Аванс, наконец, обнажили мечи и проверили их в действии, которое оказалось весьма эффективным. Волевые замахи идеально дополняли режущие удары клинков, которые разрезали корпус дронов, как нож масло. Аванс обозначил себя пер-

вым и Агнес, выделила его как приоритетную цель для 50% стаи, а остальную половину, распределила между первой целью и третьей. Пацифист в этом алгоритме был самой значимой целью, оттого и самой опасной стал во время своей неожиданной атаки. Боевые костюмы синоби, скрывали их от тепловизоров, а умение подкрасться бесшумно сыграло решающую роль. Пацифист атаковал со своего фланга и напал на дрон собаки сзади, сначала с удара руки сломал все его датчики, а после пнул с ноги по механической морде, которая непрерывным огнем повредила большую часть стаи. Шквальный огонь, буквально раскидал дронов по сторонам, попутно нанеся серьезный ущерб их вспомогательным системам. Тех, что все же смогли подняться, тут же порубил на куски Аванс, вернее на запчасти. Агнес тут же сместила акценты и снова просчиталась, так как Скорострел не стал медлить и вступил в бой.

Интуитивно поняв алгоритм системы охраны, а именно расстановку приоритета целей, бойцы сговорились и начали чередовать атаку. Как только боец перетягивал одеяло на себя, тут же уходил в тень, перекатываясь в кусты, уступая подиум товарищу, который уже неожиданно продолжал сносить эту гребанную систему охраны. Это работало ровно до тех пор, пока их не прижали плотным ракетным обстрелом с воздуха. На них будто напала стая саранчи из трех десятков летательных дронов, которые передвигались за счет двух миниатюрных турбин по бокам, которые благодаря сво-

ей подвижности, были способны на резкие выражи:

– Собрались вместе!

Аванс – Шутишь?!

Пацифист – Бегом!

Недоумение Аванса было вполне понятно, так как их спасало только то, что дроны вели огонь по трем разным целям, что грозило, в случае встречи, увеличения плотности обстрела по ним. Ракеты были малой мощности и рассчитаны были скорее на выведения вражеской техники из строя, нежели ее полного уничтожения. Наблюдатель никогда не брезговал вскрывать чужую технику, подбитую его дронами, в поиске новых идей, и красть их, находя в них интересные инженерные решения проблем, которые сам решить не сумел. Этой особенностью он пошел в папу, который, как теперь и он, крал все, что плохо лежит. Хотя довольно трудно уличить в воровстве тех, кто считает и убежден, что мир и все, что в нем находится – их, по праву рождения.

Хоть бойцы спецназа и отличались во многом от Инферно, и тем более от Кошмара, тем не менее, когда представлялась возможность, они не упускали ее и оспаривали мнимое право ублюдков, что возомнили себя последними в извечном споре – «Я тварь, дрожащая или право имею». Без сомнения, бойцы спецназа уже не были тварями, подобными Маугли, который слабо походил на человека, притом уже до самой смерти. Проведя момент становления личности

среди стаи волков, он навсегда его упустил. Но образования, социализации, культуры, моральных ценностей, и многого другого, так же недостаточно, чтобы иметь право называться человеком. Но стоит им раз назваться, так все права тут же отходят в небытие и наступают обязанности по защите Отечества и близких, обязанность не только дать новое начало, но и главное, воспитать его, обязанность чтить традиции и вероисповедание своего народа и отстаивать их даже ценой своей жизни. Но что говорить о тех, кто, даже самого себя готов предать ради своих сладострастных желаний быть богатым, властным или известным, и всё быть, но не стать. Бойцы спецназа, как и любой нормальный человек, каждый, по мере своих сил, о которых только там известно, прошел длинный и во многом тяжелый путь, который позволил ему образумиться, дать оценку тому, что по-настоящему важно, а что суета и шелуха, и стать, тем самым человеком.

Бойцы вступили в схватку не с дронами и даже не с искусственным интеллектом Агнес, в первую очередь, они пришли за тем ублюдком, что был один из тех, кто приговорил Рейчел, кто пытался сломать этот мир и подстроить его под себя. Как только бойцы собрались, Пацифист активировал электромагнитный импульс, который буквально расплавил все микросхемы дронов, превратив их в падающие жестянки.

Когда оглушить многочисленными взрывами бойцов не вышло, Агнес задействовала протокол Хадур (бог войны

из Венгерской мифологии). Так как протокол Хадур был последней мерой, все протоколы пыток инквизиции были отменены, вместе с указанием взять живыми:

– Что-то мне не нравится имя этого хрена из далекого прошлого.

Через пару секунд, Авансу не только имя, но и сам хрен высотой в три метра не понравился и даже очень. В пятидесяти метрах от них, землю будто вырвало изнутри, откуда и вырвался Хадур, который тут же покатился на них:

– Рассредоточились!!!

Но разбежаться бойцы не успели, Хадур, который в отличии от своих предшественников, был не дроном в подчинении Агнес, а самосознающим себя андроидом, который подчинялся и действовал в рамках своих алгоритмов. Проще говоря, это был доподлинно неиспытанный цепной пес системы безопасности, до которого не должно было дело дойти. Мгновенно сократив дистанцию с противником, он выставил одну из своих четырех нижних конечностей и, подпрыгнув, увернулся от прямой атаки Пацифиста, который выставив вперед себя щит, волевым толчком прыгнул навстречу андроиду, чтобы как пушечное ядро, сбить его на землю. Увернувшись от атаки бойца, он тут же атаковал двух других, от которых угроза была нулевой, а внимание было сосредоточено на другом. Перехватив на лету обоих за ноги, Хадур, перекатившись, подкинул обоих бойцов вверх, на метров пятьдесят. Неожиданная атака дезориентирова-

ла бойцов, которые даже не успели понять, что произошло, а только сдержать рвотный спазм. Тем не менее, падение с такой высоты на голую землю ни один костюм не мог смягчить. Умереть, возможно и не умерли бы, благодаря закалке, волевых преимуществ, обтяжке костей и того же костюма, но недееспособными стали бы однозначно и на всю оставшуюся жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.